

МЕРТВАЯ ЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛЕРИ ЛЕВУН

18+

Лери Левин

Мёртвая Ева

<https://litres.ru/74462002>

SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор вырос внутри системы, где пытки, исчезновения и тайные ритуалы не преступление, а часть работы.

Он - архитектор закрытого мира, сын человека, стоящего у истоков элитного культа, и наследник зла, которое передаётся по крови.

Когда Виктор сталкивается с девушкой, связанной с исчезнувшим журналистом и компроматом на влиятельные семьи, привычный порядок начинает рушиться. Ему приходится избавиться от Евы, но это убийство становится для него точкой невозврата.

Параллельно с этим частный детектив Тимур, берется за расследование о пропаже молодой девушки. Он еще не знает какие страшные тайны может открыть для него на первый взгляд простое дело. И какую цену он готов заплатить за правду?

Два сюжета.

Два взгляда на одно и то же зло.

И одна система, которая не терпит тех, кто пытается её разрушить.

Лери Левин

Мёртвая Ева

Мёртвая Ева

Пролог

Бирмингем. Англия.

Виктор.

Город остался позади, и мы выехали на пустую трассу. Как всегда на место прибываем чуть раньше назначенного времени, это даёт преимущество. Обычно всё происходит анонимно – по крайней мере, так думают заказчики. Но мы, естественно, знаем о них всё: кто они, чем занимаются, сколько денег лежит на их счетах, есть ли у них семья. Как только они попадают в эту сеть, обратного пути уже нет. Это правило касается почти всех. Кроме тех, к кому мы едем сейчас.

Я чертовски рад, что подобные личные встречи случаются нечасто.

Два часа назад, в полночь по-местному времени, наш самолет приземлился в международном аэропорту Бирмингема. Англия встретила нас промозглым ветром и ледяными каплями дождя, смешанного со снегом. Начало зимы в этих краях не самое приветливое. Влажный, холодный, пронизывающий до костей ветер буквально прилипал к телу, а чёрно-серое ночное небо, лишённое звёзд, давило как тяжелый пресс. Грузные облака стальными тисками сдавливали голо-

ву. Возможно, так давала о себе знать усталость, которая случается после нескольких перелетов. Мне не хотелось ехать ни в Бирмингем, ни на эту встречу, но это часть работы, от которой я не мог отказаться.

Альберт, сидящий за рулём, заехал под мост и припарковал машину рядом с массивной колонной, после чего посмотрел на часы. Ничего не говоря, он погасил фары и вышел из машины, сливаясь с ночной мглой. Я устало потёр глаза, размял затекшую шею и последовал за ним.

Переминаясь с ноги на ногу, я заметил вдали фары приближающегося чёрного Мерседеса V-Class. Машина остановилась перед нами, и её раздвижная дверь плавно отъехала в бок. Мельком я заметил салон, отделанный чёрной алькантарой с серебристой строчкой. Он оглянулся на меня и поправил идеально сидящее пальто, а затем шагнул внутрь. Мне ничего не оставалось, как забраться следом.

Внутри было столь же холодно, как и на улице. Пахло кожей и металлом. Как только дверь с лёгким щелчком закрылась, зажглась слабая боковая подсветка, мягко осветившая силуэт человека, сидящего напротив. Всё точно так же, как на прошлой встрече: чёрный смокинг, тонкая шея, худощавое бледное лицо с аристократическими чертами и самодовольная улыбка. Самая высокая категория заказчиков. Точнее, этот тощий и бледный тип был всего лишь представителем. Я старался не пялиться на него лишний раз, но получалось не очень. Человек в смокинге казался ненастоя-

щим и слишком молодым — словно жуткая фарфоровая кукла с неестественной, натянутой улыбкой. Возможно, влияло освещение, а мой мозг, подогретый тревогой, приписывал ему то, чего на самом деле не существовало.

— Альберт, Виктор, рад снова с вами встретиться, — он слегка наклонил голову и посмотрел на нас.

Мы молча кивнули в ответ. Я не видел его глаз, но в полной мере ощущал этот неприятный, пристальный взгляд. Альберт не выказывал никаких эмоций, и мне хотелось верить, что со стороны я выгляжу так же бесстрастно. В самый первый раз, когда отец взял меня с собой на встречу, он проинструктировал меня насчёт поведения и того, что лишние слова ни к чему. Тогда, надо признать, мне было куда страшнее, чем сейчас. Думаю, с тех пор я приобрёл достаточно опыта и привык к странностям тех, кто пользуется нашими услугами.

— Так приятно видеть, когда отец и сын занимаются общим делом, — с нескрываемой насмешкой произнёс он, после чего достал из нагрудного кармана маленькую визитку и манерно протянул её Альберту своей худощавой рукой.

— Вы уже знаете наши предпочтения, но в этот раз будет кое-что новенькое и интересное, — он неуместно хихикнул, затем отвернулся и с мечтательным взглядом уставился в черноту за окном. — Такого масштабного действия мы ещё не разворачивали. Разве что, очень давно...

Он продолжал пялиться в окно и улыбаться. Псих. Что

ещё тут скажешь? Все они были сумасшедшими – даже тот, кто сидел рядом и являлся моим отцом. Все наши заказчики – в той или иной степени поехавшие садисты, просто эти – самые жуткие и самые богатые. Хотя, раз уж я сижу здесь, то и сам, недалеко ушёл.

Проект, который мы делали для них в прошлый раз, был весьма странным. Я догадывался, что это какие-то сатанисты-каннибалы или вроде того. Мысленно выругавшись, я заставил себя собраться и выкинуть все эти мысли из головы. Наплевать, кто они и чем развлекают себя в свободное время. От меня требуется только предоставить место, сделать его безопасным для любых самых извращенных развлечений, ну и эстетически привлекательным. Под безопасностью подразумевается, что никто посторонний туда не ворвётся — или, наоборот, не сбежит тот, кому суждено оказаться в роли жертвы.

— Место уже определено? — нейтральным тоном спросил я.

Мужчина моргнул, снова посмотрел на нас, и его рот растянулся в недоброй, неискренней улыбке. Может, всё-таки не стоило пренебрегать рекомендациями Альберта насчёт молчания? Но, чёрт возьми, это напрягает — особенно театральные паузы и разговоры ни о чём. Время – деньги, и кому, как не ему, это должно быть известно.

— Уверен, вы оцените этот размах, — довольно произнёс

он и замолчал, так и не ответив на мой вопрос.

Возможно, если бы не звериный оскал вместо улыбки, я бы переспросил. Но этому заказчику лучше не показывать свой характер. Визитка, которую он дал, принадлежала очередному посреднику, через которого мы будем работать. Мне хотелось верить в то, что с этим слащавым пареньком мы больше никогда не увидимся. Он из тех, кто наводит на меня жуть одним своим присутствием, а такие эмоции во мне вызвать крайне сложно.

— Сроки? — кратко спросил Альберт.

Мужчина постучал пальцами по губам, делая вид, что задумался над вопросом. Но я был уверен, что он всё уже знал. Просто продолжал ломать свою никчёмную комедию.

— То место, где всё будет происходить, ещё не выкуплено полностью, но у нас есть данные, с которыми вы можете начать работу. Свяжитесь с человеком, чьи контакты я вам передал. Он введёт вас в курс дела более подробно, — его тон сменился с фальшиво-приветливого и насмешливого на холодный и деловой.

Неужели нельзя было начать встречу именно с этого? Второй раз вижу с ним, и второй раз задаюсь вопросом: зачем вообще нужны эти личные встречи? По делу эта фарфоровая статуэтка ничего не сказала. Мы летели сюда несколько часов, потом добирались до этой грязной окраины, чтобы он вручил нам кусок красивой ламинированной картонки с номером телефона.

Человек в смокинге достал из-под подлокотника белоснежный конверт, который сиял во мраке салона, и протянул его мне.

— Бюджет неограничен. Каждые две недели счёт будет пополняться. Но вы уже знаете правила, — произнёс он всё тем же бесстрастным тоном.

Взяв конверт, я убрал его во внутренний карман пальто и кивнул. Как сложно было удержаться от колкости! Но потом пришлось бы иметь дело с Альбертом — он бы объяснил своё недовольство совсем не словами. Мысленно я отсалютовал фарфоровой кукле и переключился на более приятные мысли. Например, об оплате, которую мы получим от этих заказчиков. Уверен, сумма будет очень внушительной — о таких обычно вслух не говорят. Иногда деньги помогают мне забыться, хотя бы ненадолго.

Альберт, ничего не говоря, потянул за ручку, и дверь начала отъезжать, впуская морозный ветер в салон. Хотя погода снаружи и внутри особо не отличалась — я бы сказал, на улице было в разы теплее. Выходя вслед за отцом, я гадал, как он каждый раз понимает, что встреча окончена. Судя по тому, что тощий больше не проронил ни слова и отвернулся к окну, всё действительно было закончено.

Контакты посредника и конверт с пластиковой картой можно передать через специального курьера. И я снова задался вопросом. Ради этого десятиминутного бесполезного разговора мы летели в Англию? Я понимал зачем была нуж-

на была первая личная встреча, но в этой не было особой необходимости. Но так как на вопросы мне никто не ответит, я постарался успокоиться и подавить недовольство.

Как только дверь за мной закрылась, «Мерседес» пришёл в движение, медленно уплывая и растворяясь в сизой туманной дымке ночи. Я остался стоять на месте, пока машина не исчезла из поля зрения, и только тогда спокойно выдохнул и от души потянулся. Фары машины, на которой мы приехали зажглись и на секунду ослепили меня. Недовольно поморщившись, я прикрыл глаза рукой и поспешил к Альберту.

— Ты ведешь себя слишком несдержанно, — холодно бросил он, как только я сел на пассажирское сиденье рядом с ним.

«Потому что это бесполезная трата времени», — хотел сказать, но уже давно усвоил, что бессмысленно вести какой-либо диалог. Я всегда буду неправ.

— Я понял. В следующий раз не буду дышать при нём, а то мало ли — рассыплется, — едва заметно закатив глаза, ответил я.

Альберт незамедлительно одарил меня гневным взглядом своих холодных, безжизненных глаз. Раньше, в детстве, я очень боялся этого взгляда. Но сейчас, я стал походить на него, все глубже погружая свою душу в ледяной мрак той стороны о которой мне не хочется задумываться.

— Сопляк, забыл, с кем разговариваешь? — прошипел он, сузив глаза.

— Нет. Не забыл, — сухо ответил я и отвернулся. Больше мы не говорили. В этом не было смысла. Я давно смирился со всем и, в общем-то, уже знал, когда стоит остановиться и промолчать.

Глава 1

Москва. Россия. Два года спустя.

Виктор.

Здание, в котором находился один из наших филиалов, раньше принадлежало хлебозаводу. Построенное ещё до революции, оно считалось историческим памятником архитектуры, поэтому кардинально менять ничего было нельзя — ни снаружи, ни внутри. Сейчас всю территорию завода переделали в большое арт-пространство. Чтобы эта дореволюционная постройка приносила деньги городу, её отреставрировали и отдали под аренду разной коммерции. Нам с Альбертом было на руку такое расположение, не трудно затеряться на большой территории.

Лофт-офисы, кофейни, небольшие дешёвые рестораны и, скорее всего, убыточные магазины. Они постоянно сменяли друг друга. Единственные, кто тут нормально выживает — это кофейни. Мысль о кофе и ближайших выходных вызвала желание покинуть офис сейчас же.

Я лениво оглядел просторный кабинет — переговорку. Взгляд скользнул по мебели, остановившись на большом макете находящимся под стеклом — загородный клуб, уже сданный. Самый дорогой проект филиала. Денег я через него отмыл, прилично.

Вечер пятницы. Остались только я, Марк — мой замести-

тель, Ивонна – финансовый директор, и начальник бухгалтерии, чьё имя я так и не удосужился запомнить. Они что-то горячо обсуждали, спорили, но их разговоры наводили на меня тоску. Каждый раз, когда я их слушал, время тянулось бесконечно. Иногда Альберт подкидывал мне счета и договоры, которые я должен был провести через бюро, где числился генеральным директором. Формальность, не более. Но для сидящих за столом их обязанности не были работой под прикрытием, поэтому подходили они к ней со всей серьезностью. Естественно, они не в курсе, чем мы на самом деле занимаемся, но лишних вопросов до сих пор не задавали. Каждый из них получал приличную зарплату.

Когда я впервые переступил порог бюро, мне здесь даже понравилось. На какое-то время я почти поверил, что это может стать не только прикрытием. К сожалению, я ошибался. Бизнес, конечно, действующий: тут работают обычные сотрудники, которые вполне успешно корпят над архитектурными проектами, в том числе очень крупными и даже государственными. Но для меня всё это – пустышка. Альберт научил ни к чему не привыкать и не испытывать эмоциональной привязанности. Это бюро было одним из небольших филиалов его крупного архитектурно-строительного бизнеса, головной офис которого находился в Австрии.

Мой взгляд переместился на троицу, всё ещё активно что-то обсуждавшую. Ивонна вытащила из пачки сигарету, прикурила, глубоко затянулась и медленно выпустила дым. Её

глаза встретились с моими – она явно ждала ответа. Или хотя бы кивка.

Небрежно швырнув ручку на стол, я протяжно зевнул, демонстративно подчеркивая свою незаинтересованность, и поднялся со стула, махнув рукой.

— Запишите остатки на лесопилку. Мы так уже делали. Быстренько составьте договор на какие-нибудь деревянные декорации, — бросил я через плечо, натягивая кожаную куртку.

— Мы не закончили, Викто’р, — произнесла Ивонна, подходя ко мне медленной походкой, с привычной ей точностью делая ударение в моем имени на немецкий лад. Альберт притащил её из главного австрийского филиала. И, кажется, эта дамочка начала забываться.

— Ивонна, — начал я, одаривая её снисходительной улыбкой, — то, что я тебя периодически трахаю, не дает тебе права распоряжаться моим временем. Ещё раз заговоришь со мной в таком тоне – вылетишь отсюда к чёрту.

Она сжала челюсти, проглотив мои слова. В потемневших глазах бушевала смесь гнева и страха, но она не решилась мне возразить. Я заглянул ей за спину, те двое, сидевшие за столом, лишь сильнее углубились в изучение бумаг делая вид, что ничего не слышали. Существовал лишь один человек на этой планете который мог заставить меня остаться в этой переговорной, на этом скучном и не нужном совещании.

Отвернувшись от них, я увидел Альберта за стеклянной перегородкой. Лучше бы я не вспоминал о нём. Наши взгляды встретились. Его бледно-серые глаза, холодные и безжизненные, пронзили меня насквозь. Если говорят, что глаза – зеркало души, то у этого человека её точно не было.

Я окинул его взглядом. Тёмно-серый твидовый костюм, чёрное пальто, аккуратно уложенные на правый бок короткие русые волосы с лёгкой сединой, высокие скулы, волевой подбородок с едва заметной щетиной. Можно подумать, что он собрался на очередную светскую вечеринку своих приятелей, но он почти всегда выглядел именно так. Интересно, как я буду выглядеть в его возрасте? И доживу ли вообще?

Альберт слегка мотнул головой в сторону, развернулся и зашагал в направлении моего кабинета. Я поспешил за ним, как послушная собачонка, коей, возможно, и являлся. Но к чему усложнять? Пусть будет так – это избавит меня от лишних проблем. Когда-то давно я грезил о том, что убью его. Но сейчас я понимаю: его смерть ничего не изменит, лишь добавит хлопот. Я уже давно прошёл все стадии – от ненависти до полного принятия.

Мы зашли в кабинет. Он сел за стол, а я опустился в кресло для гостей, кинул взгляд в зеркало висевшее около двери. А у тебя, Виктор? Осталась ли у тебя душа? Когда кто-то смотрит тебе в глаза, он видит то же самое, что видишь ты в своем отце?

Наверное, старик, устроившись в моем кресле, полагал,

что такой расклад меня заденет, но я лишь поудобнее устроился и вытянул ноги. Его презрительный взгляд скользнул сначала по беспорядку на столе, а затем остановился на мне. Я не имел привычки одеваться как он, да и в жизни не был таким педантичным. Только когда дело касалось наших общих дел. Там я был внимателен до мелочей и никогда не допускал ошибок. Во всём остальном напрягаться мне не хотелось.

Альберт достал из внутреннего кармана небольшой белый конверт, запечатанный восковой печатью, и положил его передо мной. Так обычно выглядели приглашения на разного рода мероприятия. Цвет конверта имел значение: белый — самый нейтральный и, на мой взгляд, самый лицемерный. Благотворительный вечер. Деньги с него пожертвуют какому-нибудь фонду для сирот или неизлечимо больных. Но всё это — лишь ширма, за которой скрывается нелицеприятная правда.

— В среду, в Мюнхене, поместье Кёллерманов. Я улетаю сегодня, встретимся уже там, — спокойно произнёс он.

Его пристальный взгляд оценивал мою реакцию. Он прекрасно знал, как сильно я ненавижу это место и эту семью. Однажды я уже имел неосторожность высказаться о своём нежелании ехать туда. Порвал приглашение в клочья и швырнул обрывки в Альберта. Острая боль, словно в напоминание об этом поступке разлилась в моём колене, но виду я не подал, выдержав его взгляд с тем же холодом. Хорошо

помню, как он раздробил мне колено, а потом заставил ехать в состоянии, близком к полубоморочному. С тех пор прошло пять операций и полная замена коленной чашечки на титановую. Она до сих пор приносит боль, но я уже начал привыкать. Думаю, ещё пару лет – и я перестану о ней вспоминать.

— Обожаю благотворительные вечеринки! — хлопнул в ладоши и театрально закатил глаза. — Это так благородно с нашей стороны: богатые мира сего скидываются на хлеб сироткам и обездоленным.

Мой отец едва заметно дёрнул бровью, затем поднялся из-за стола и посмотрел на меня сверху вниз. Несмотря на то, что он нависал надо мной, я окинул его таким же презрительным взглядом.

На секунду мне показалось, что он выглядит очень уставшим и потрёпанным. Под глазами отчётливо виднелись тёмные круги. Возможно, освещение сыграло свою роль, но, кажется, он не спал пару дней. Я более внимательно оглядел его и на секунду во мне вновь поднялось жгучее чувство ненависти.

Моя давняя и несбыточная мечта: чтобы тот, кто является моим отцом провалился в самую жаркую преисподнюю. Там-то ему точно местечко уже отведено. Да и мне, наверное, тоже – где-нибудь в соседнем котле. Мысль о том, что мне и после смерти придётся терпеть его общество, вогнала в ужас. Надеюсь, что, когда мы подохнем, нас будет ждать пустое ничто.

— У тебя слишком длинный и бесполезный язык. Когда-нибудь ты останешься без него, — с присущим холодным спокойствием произнёс Альберт, отвлекая меня от философских размышлений.

В его словах не было угрозы — он таким не занимался. Если бы он хотел отрезать мне язык, то сделал бы это без предупреждений и лишних слов. Поэтому мне оставалось только пожать плечами и ждать, когда он наконец уберётся и оставит меня в покое.

— Отправляйся в мастерскую. Надо внести корректировки в проект, который мы уже сдали, — он встал и направился к выходу из кабинета.

— А я думал, мы сейчас занимаемся только...

— Не надо думать. Делай то, что я сказал, — резко прервал он, отчеканивая каждое слово, и вышел, хлопнув дверью.

Я выдохнул и откинув голову, уставился в потолок. Придётся ехать. Колено снова заныло. Выругавшись, я поднялся с кресла и прихрамывая подошёл к панорамному окну. Внизу виднелась небольшая внутренняя площадь. Обычно по вечерам пятницы здесь собирались начинающие музыканты, но сейчас ещё слишком холодно. Апрель в этом году не баловал хорошей погодой. А жаль — я был бы не против постоять, выпить кофе и послушать их завывания.

Осознание того, что старик свалил из страны, меня приободрило. Даже обрадовало. Без него дышалось легче. Но

правда такова что не будь его, было бы куда сложнее разгребать всё то дерьмо, что лежит вонючей кучей на нашей семье.

Взгляд привлекла небольшая компания людей – очередная фотосессия фальшивых, приторно-милых фотографий для соцсетей. Мама, папа, я и пушистая тупая псинка. Скрывив лицо, я фыркнул.

Промелькнула мысль, что, возможно, это зависть. Но эта мысль, тут же, исчезла – я умею подавлять всё лишнее. Не знаю, что на меня сегодня нашло. Таких фотосессий здесь сотни.

На улице быстро темнело, и я чётко видел своё отражение в окне. Повернувшись чуть в профиль, боковым зрением оценил своё лицо, а затем провёл рукой по волосам, поправляя причёску. Нет, на Альберта я не очень похож, и это не может не радовать. В последний год меня почему-то очень волнует этот вопрос, от чего не могу отказать себе в том чтобы начать разглядывать отражение.

С недавнего времени я решил немного изменить причёску: отрастил волосы на макушке, цвет сменил на более тёмный. Я прекрасно знал, что выгляжу красиво. Не важно какая причёска и цвет волос, даже если побреюсь налысо. Острые скулы, прямой нос, выразительный изгиб бровей, длинные чёрные ресницы, тёмно-зелёные глаза и подтянутое, поджарое тело. Моя внешность считается эталонной.

Богатым и красивым открыты все дороги, ведь так говорят? Жаль, что это неправда. Возможно, я обменял бы всё,

что у меня есть, на кое-что другое.

Отвернувшись от окна, я зашагал к выходу. Пора бы и делами заняться, а не этим бесполезным самокопанием.

Спустившись вниз, я зашёл в одну из кофеев и купил две чашки кофе. Ещё раз быстро глянув на себя в отражение, убедился, что всё идеально, и направился к той самой небольшой компании, которая устраивала фотосессию под окнами моего офиса.

Меня интересовал фотограф. Девушка с волнистой копной рыжих волос. Они как раз заканчивали съёмку. Сахарная парочка с псиной и ребёнком уже попрощались с фотографом. Немного выждав и убедившись что они ушли, я перешел к действиям.

— Привет, — как можно приветливее сказал я, натягивая свою дежурную улыбку обаяшки, и протянул ей стаканчик кофе.

Она растерянно переводила взгляд то на меня, то на стакан, то на фотоаппарат в своих руках, хлопая глазами.

— Спасибо, конечно, но я не хочу, — улыбнулась она, покачала головой и убрала фотоаппарат в сумку.

Неплохо, — подумал я про себя. Хватило ума не брать ничего у незнакомого человека. Мой взгляд опустился к её сумке. Хотел бы я знать, что она успела заснять своей зеркалкой за те несколько дней, что ошивается тут.

— А что хочешь? — максимально дружелюбно спросил я. Она вздохнула и недовольно нахмурилась.

— Домой, — быстро ответила она, развернулась и пошла в сторону метро.

Ну уж нет, так дела не пойдут. Мне нужно сначала понять: я — параноик или она действительно следит за моим офисом. Или, может, за мной? Если следит, то это самая неумелая и нелепая слежка, которую я видел в своей жизни. Именно тот факт, что она чуть ли не в открытую сидит тут целыми днями, заставляет меня сомневаться.

Я выбросил кофе и поспешил за ней.

— Можно я хотя бы провожу тебя до метро? — сохранять дружелюбие становилось всё сложнее, но будет нехорошо, если придётся убить девчонку просто из-за того, что я параноик.

Рыжая недовольно оглядела меня, но я продолжал мило улыбаться, изображая, будто очень хочу с ней познакомиться. Не помню, чтобы я, вот так бегал за какой-то малявкой.

— Ладно, пошли, — вздохнула она.

— Чего ты такая хмурая? Случилось что-то? — поинтересовался я.

Она ответила не сразу, задумчиво глядя перед собой. Краем глаза я рассмотрел её получше. Отрицать, что она красивая, нельзя: невысокая, с курносым носом, большими глазами тёмно-янтарного цвета и россыпью веснушек. Пирсинг под носом, несколько проколов в ухе — наверняка тату тоже есть. Макияж яркий. Предположу, что ей точно не больше двадцати.

— Нет, всё в порядке, просто устала, — тихо ответила она.

Врёт. Я это чувствую. Устала целыми днями наматывать круги вокруг хлебозавода. Или пытаться следить? Или я идиот и зря трачу время? Нет. Что-то не так с этой девицей. Моя интуиция обычно не подводит.

— Меня Виктор зовут, — прервал я затянувшееся молчание.

Она замедлила шаг, нахмурила брови и посмотрела на меня. *Серьёзно?* Знает моё имя, но не знает, как я выгляжу? Это ещё как понимать?

— Ева, — быстро ответила она, переставая хмуриться, делая вид, будто не удивилась секунду назад.

— Очень красивое имя, — с улыбкой сказал я. — Может, всё-таки выпьем кофе? Буду рад ещё немного прогуляться в твоей компании, Ева.

Она кивнула и указала на палатку с кофе на вынос. Наставить и уговаривать на что-то другое я не стал. У меня всё ещё оставались сомнения на её счёт. Ну да, странная реакция на имя, но ведь это может быть что угодно. Или я просто убеждал себя в этом, потому что мне не особо хотелось разбираться, что тут делает эта малолетка и за кем пытается следить.

Почти час мы с ней шли прогулочным шагом, двигаясь в сторону станции Менделеевская, по типичной для Москвы улице: широкие тротуары обсаженные деревьями, которые в свете фонарей отбрасывали длинные тени на асфальт.

Запах свежей выпечки из ближайшей булочной смешался с запахом бензина и городской пыли. Где-то вдалеке слышался гул машин, но здесь, в этом уголке, было относительно тихо, если не считать редких прохожих, спешащих по своим делам.

Карту города я знал почти наизусть. То ещё веселье было учить её, особенно с учётом того, как быстро она менялась. Про себя подметил, что Ева тут неплохо ориентируется: знает все оживлённые дороги и обходит маленькие неосвещённые закоулки, по которым можно срезать путь к метро.

Всё это время мне пришлось поддерживать милую беседу. Поначалу это раздражало, но она оказалась довольно интересным собеседником. С ней было легко говорить о всякой ерунде. Очень давно я ни с кем так не общался. По сути, мог сделать всё по-другому, не тратить время, но почему-то хотелось продлить этот момент. Может, по причине того, что у меня никогда не было таких прогулок. Мне нравилось просто идти по улице и наслаждаться пятничным вечером в её компании.

Промелькнула мысль, а может, просто спросить, зачем она ходит вокруг завода? Но быстро передумал. Мир, в котором я существую, не позволяет этого сделать. Пора заканчивать это маленькое шоу. Ведь почти всё, что она мне рассказала о себе, было враньём. Возможно, кто-то другой бы купился, но не я.

— Ева, — тихо произнёс я, притягивая её к себе. Моя

рука скользнула вокруг её талии, чувствуя тепло даже через тонкую ткань куртки.

Мы смотрели друг на друга, и в воздухе повисло напряжённое молчание. По классике жанра, я должен был бы сейчас поцеловать её, но это не романтическая история о любви с первого взгляда.

Её дыхание стало чуть чаще, а глаза расширились от неожиданности и страха. Я сильнее прижал её к себе, чувствуя, как тело на мгновение напряглось, а затем расслабилось, будто подчиняясь моему движению.

— Приятных снов, — прошептал я, и в этот момент игла миниатюрного шпика, который я всегда ношу с собой, быстро и точно вошла в вену на её шее.

Её глаза на мгновение расширились, но уже через секунду в них появилась мутная пелена. Она обмякла в моих руках, и я аккуратно поддержал её, чтобы она не упала.

Как и предполагалось, мой авторский коктейль подействовал мгновенно. Надеюсь, у неё не откажут почки и не остановится сердце — доза рассчитана так, чтобы вырубить даже стокилограммового мужика.

Машина с моим личным водителем остановилась рядом с нами. Он всегда следовал за мной.

Я усадил её на заднее сиденье, сам сел рядом, и мы без лишних слов тронулись с места. Пункт назначения — лесопилка за чертой города. Там я живу и там же могу разобраться со слишком любопытными, и не слишком осторожными

людьми.

Её самой большой ошибкой было думать, что людные улицы как-то спасут. По большому счёту, всем плевать. Никто даже не обратил внимания на то, как обнимающаяся парочка в центре Москвы в пятницу вечером садится в машину.

Именно так всё выглядело со стороны. Правда, надо будет проверить, сколько камер могли зафиксировать нашу прогулку. Но это уже мелочи.

В сумке нашёлся фотоаппарат для профессиональной съёмки. Местами потёртый, что говорило о его частом использовании. Значит, не врал насчёт фотографии. Хотя, возможно, он арендованный. Сейчас узнаю, что она снимала все эти дни.

Хорошо, что старый чёрт свалил по своим делам. Он действует не так, как я. Девчонка уже бы лежала где-нибудь на столе с вывернутыми кишками наружу, но всё ещё в сознании, чтобы могла говорить и не вырубаться от болевого шока. Он любит так развлекаться — показывать несчастным их же внутренности. Я, конечно, тоже не святой, но пытаться со всем ещё молодую девчонку не особо хотелось.

Быстро пролистывая фото на маленьком экране фотоаппарата, меня вновь одолели сомнения. Она фотографировала всех подряд. Я тоже был на этих снимках, как и многие другие сотрудники моего бюро. Даже Альберт попал в кадр её объектива — вот он, сегодняшний снимок, выходит из офиса со своим цербером.

Я перевёл взгляд на Еву, безвольно лежащую на сиденье.
— Ева, ну и зачем ты это делала? Кого искала? — устало произнёс я, зная, что она не ответит.

Ещё несколько вещей в её сумке меня заинтересовали. Немецкий паспорт, например. Восемнадцать лет, исполнилось не так давно. Я был прав – действительно подросток. Странно, конечно, откуда малолетка взялась. Паспорт хоть и немецкий, но говорит по-русски отлично, без акцента. Как-то нелепо это всё.

Будь она наёмным убийцей, не дала бы себя обнять и вколоть транквилизатор. Уж я-то отлично знаю все их повадки и правила. Может, просто забрать карту памяти, припугнуть и отпустить?

Следующий предмет, который я решил изучить – небольшой кожаный блокнот. На первый взгляд, обычные заметки и ежедневные дела. Ничего интересного в первой половине, но если перевернуть страницы...

Список имён и фамилий, которые лучше бы не знать этой девчонке. Ну вот какого чёрта? Там значился и я – Виктор Лаубе. Напротив моих инициалов стояли знаки вопроса, а ещё проведённая линия к имени моего отца, над которой тоже красовались знаки вопроса. Очень мало кто знает, что мы с ним в близком родстве.

Больше всего меня напрягал тот факт, что имя Альберта было выделено зелёным маркером, а в скобках помечено как «информатор». Ниже шли строчки с координатами, напро-

тив них – расшифровка с адресом моего офиса.

Теперь стало понятно, чего она тут ошивалась.

Потерев переносицу, я захлопнул блокнот и положил фотоаппарат с паспортом обратно в сумку. То, что Альберт у кого-то числился в информаторах, меня не удивляло – он мастак в таких игрищах. Но, похоже, девчонка не знает, как мы с ним выгладим, раз фотографировала всех подряд.

Сейчас самое время звонить папаше и скидывать эту проблему на него. Моё золотое правило по жизни: не лезь в дела Альберта, если он сам не попросил. Это те условия, при которых я почти не вижу его поганую рожу и живу относительно спокойно.

Пристально глядя на Еву, я понял, что у меня уже давно ничего интригующего не происходило в жизни. Мне хотелось узнать больше, невзирая на свои же правила. Последние годы проходили пресно и скучно, даже деньги не спасали ситуацию – всё стало обыденным и привычным. Да и в конечном счёте рыжая в любом случае оказалась бы на лесопилке, так что я могу и поболтать с ней немного. Узнаю, кто она и чего хочет.

Может, она специально дала себя усыпить, чтобы я отвёз в нужное место? С годами я усвоил, что внешность бывает очень обманчива. По себе знаю. Да и по Альберту. Притворяться не так сложно. Куда труднее знать, кто ты есть на самом деле.

Глава 2

Москва. Россия. Лесопилка.

Виктор.

Я мчался по платной трассе М-1, нарушая все правила и ограничения. До моего дома оставалось всего ничего, он находился прямо посреди лесного массива, недалеко от поселка Барвиха. Мысленно начал пересчитывать все 208 костей человеческого тела, а также прилегающие к ним мышцы и сухожилия. Обычно это помогало мне успокоиться, но не сегодня. Я с силой сжал руль и вдавил педаль газа до упора.

На сиденье рядом со мной лежала спортивная сумка и чемодан с вещами Евы. Как только я узнал, где она снимает квартиру, рванул туда. У этой малолетки обнаружилась увесистая папка с компроматом на Кёллерманов – тех самых, что владеют одной из крупнейших в мире компаний в сфере фармацевтического производства. Какое интересное совпадение, именно к ним я получил приглашение на “благотворительный” вечер. Я пролистал папку мельком, но этого хватило, чтобы понять масштаб проблемы.

Мне уже давно следовало позвонить Альберту, но сначала нужно выяснить, как эти документы оказались у рыжей. Я догадывался, кто мог пойти против этой семьи, и мне это категорически не нравилось. Глупая затея, которая не приведёт ни к чему хорошему.

Я нетерпеливо ждал, пока медленно разъезжаются металлические створки ворот у пропускного пункта. Раньше я ненавидел это место, но теперь оно стало моим домом. Последние четыре года я жил здесь постоянно. Постукивая пальцами по рулю, я смотрел в окно. Привычный мрачный пейзаж весеннего леса. Лысые стволы деревьев, торчащие из земли, словно колья, медленно покачивались на ветру, издавая скрипучий, почти человеческий стон. Их тёмные, изломанные силуэты простирались на десятки километров, сливаясь с серым, низким небом. Воздух был сырым и тяжелым, словно лес выдыхал запах гнилой листвы и старой древесины.

Альберт уже давно не живет в этом месте. Сейчас он, его молодая жена и двое мелких детей живут в Англии. Не знаю когда ему надоест играть в семьянина, ведь всё это продолжается уже достаточно долго. Интересно, им он тоже начнет с семи лет пихать пистолет в руки или это только мне так повезло в этой жизни?

— Господин Лаубе.

Я резко перевел взгляд на охранника, наклонившегося ко мне. Его лицо было бесстрастным, глаза пустыми, как у большинства работников охраняющих это место.

— Можете проезжать, — коротко бросил он и удалился в сторону пропускного пункта.

Сейчас почти все, кто работал на этой территории, были людьми, которых нанял я. Точнее, это была кучка отбитых

уголовников, которым я когда-то оказал помощь. Естественно, с таким окружением приходилось всегда быть начеку.

Припарковавшись и выйдя из машины, я остановился на мгновение, чтобы окинуть взглядом дом, который построили два года назад. Я сам его проектировал. Чёткие геометрические формы в стиле хай-тек, минималистичный дизайн и спокойные светло-серые тона в сочетании с более тёмными акцентами. Он, конечно, выглядел странно, одиноко возвышаясь посреди леса, но по документам ближайшие шестьдесят гектаров числились как деревообрабатывающее производство, обнесённое высоким забором с колючей проволокой.

На территории действительно располагался небольшой промышленный ангар со станками, и всё это функционировало. Внутри ангара стояли пилорамы, сушильные камеры и оборудование для обработки древесины. Запах свежеспеленного дерева смешивался с едким ароматом машинного масла, а звук работающих станков иногда разносился далеко за пределы забора, нарушая тишину леса. В общем-то, это был действующий бизнес, но Альберту в своё время он был нужен только для того, чтобы иметь в распоряжении этот лес. Да и к тому же ангар с лесопилкой служили удобными инструментами для утилизации.

Местные, что работали на пилораме, даже если и что-то замечали или догадывались, предпочитали помалкивать, получая за это неплохие деньги.

Внутри дома царил беспорядок, который особенно резко контрастировал с его минималистичным интерьером. Вещи были раскиданы где попало: на полу валялись бумаги, на кухонном столе стояла недоеденная еда, а в гостиной работал телевизор, заполняя пространство бессмысленным шумом.

Прошли сутки с того момента, как я привез сюда Еву. Сутки, как она сидит в подвале дома лесника неподалёку отсюда – без воды, раздетая и привязанная к стулу. Не то что бы я хотел её страданий или чего-то подобного, но она сама кинулась на меня, когда очнулась. Я посмотрел на свою руку: чуть выше запястья красовался багряно-красный след от укуса. Когда мы приехали, ей стало совсем плохо – начались судороги, изо рта пошла пена. Пришлось вколоть ей ещё один микс из препаратов, чтобы взбодрить. Он подействовал слишком быстро: она так резко и остервенело кинулась на меня, что чуть не откусила кусок руки. После этого я решил, что неплохо бы ей остыть и понять, что так делать больше не стоит.

Я кинул сумку на диван в просторной гостиной и выключил телевизор, погружая дом в тишину. Очень хотелось сесть и подробнее изучить, что же там собрано. На семью рыжей уже лежало полученное ранее досье, но я пока не смотрел его. Было понятно, что девчонка – никакой не наёмник. Но мне нужно знать, откуда у неё эта папка и откуда список имен – там ведь были и несколько наших заказчиков. В школьном, мать твою, ежедневнике.

Я зашагал к выходу, ведущему на задний двор дома, где находилась небольшая подстанция и вход на подземный этаж. Сначала – рабочие дела. Надо срочно разобраться с правками в проекте, а уже потом всё остальное. Не стоит лишний раз привлекать внимание старика.

* * *

Телефон рядом с моим ухом издал мерзкий пиликающий звук. Колено нестерпимо ныло, заставляя меня разлепить сонные глаза и с трудом поднять голову со стола. Я уснул, сидя прямо за рабочим столом. Сделав усилие, я встал, припоминая попутно все матерные слова, на которые был способен. Затекшие мышцы не хотели слушаться.

Потянувшись, щелкнул по клавиатуре, и монитор ожил. Время – почти десять вечера, воскресенье.

Правки в ранее сделанный мной проект я внёс, как просил Альберт. Уже передал их на флешке посреднику – курьеру. Так и знал, что эта заказчица – старая карга — захочет оборудовать в своем безвкусно сделанном замке особую ванну. Популярная тема среди фанатиков: принимать ванну в крови молодых девственниц. Это, конечно, глупо, небезопасно и уж точно не молодит. Не понимаю, как можно в такое верить в наше время, хотя... Сектантов разных мастей пруд пруди, кто на что горазд, так сказать.

Я знаю, что Альберт тоже состоит в каком-то кружке лю-

бителей мистики. Эти идиоты реально кому-то там поклоняются. У них даже название есть, правда, я забыл, что они там навывдумывали, но меня это и не касается. В этот сектантский кружок попасть не так просто – членство достаётся по наследству. Я, по мнению Альберта, недостойный наследник, и это, пожалуй, к лучшему. Не хватало ходить на их дебильные сходки, облачаться в мантию и водить хороводы вокруг трупа на алтаре. Разок я подглядел, что они там делают, и лучше бы не смотрел.

Помотав головой, я потянулся, отгоняя остатки сна, а потом оглядел свой кабинет. Три стола в ряд у стены, заваленные чертежами, схемами и макетами. Несколько мониторов, один из которых висел на стене, показывая трёхмерную модель очередного проекта. Архивные стеллажи, доверху забитые папками с надписями, которые лучше никому не читать. В смежной комнате — плоттер и 3D-принтер периодически издают приглушённые жужжащие звуки, словно механические пауки, плетущие свои сети.

На этом же этаже есть ещё несколько комнат: серверная, где хранятся цифровые копии всех проектов, огромная морозильная камера, которая, помимо прочего, служит хранилищем для "образцов", и комната испытаний. В последней стены обиты звукоизоляцией, а на полках аккуратно разложены инструменты, которые я тестирую на прочность и эффективность. Кто бы знал, что только не повидали стены этого подземного этажа и сколько грязных тайн они хранят. Это

место – прямое сосредоточение всего людского зла.

Мой взгляд остановился на металлических полках с аккуратно сложенными проектами. Пыточные на любой вкус и цвет, разбросанные по всему миру: от подвалов в заброшенных домах до роскошных вилл, где всё продумано до мелочей. Целые здания и ангары, переоборудованные под нелегальные притоны и закрытые клубы для садистов всех мастей. В таких местах предусмотрено всё для быстрой утилизации трупов: скрытые люки, печи, кислотные ванны.

На другой полке – проекты лабораторий для изготовления наркотиков, фасовочные станции, где каждый квадратный сантиметр пространства используется с максимальной эффективностью. На следующей – съёмочные площадки для фильмов в стиле снафф* (жанр, подразумевающий некрофилию), которые потом выкладывают на просторах даркнета. Каждый проект — это тщательно продуманный механизм, где каждая деталь работает на то, чтобы скрыть преступление или усилить страдания. И почему-то каждый раз находясь здесь, мне не хотелось отворачиваться от этого зла, наоборот я любил разглядывать эти стеллажи и их содержимое.

Эти полки хранят в себе все человеческие пороки и весь мрак, на который способны люди. И я приложил к этому всему свою руку. Правильнее будет сказать – нырнул в этот мрачный омут с головой. И вряд ли уже выплыву.

Виски сдавила ноющая и надоедливая боль. Телефон не

переставал звонить, но отвечать я не собирался – знал, что это всего лишь мои фальшивые друзья, которые в очередной раз хотят куда-то меня позвать повеселится. Я не был затворником, и у меня имелся достаточно широкий круг общения: люди из разных стран, разных профессий, но никто из них не знал правды. Для каждого была своя легенда, своя маска, которую я надевал, чтобы не вызывать лишних вопросов.

Взяв телефон со стола, я быстрым шагом миновал общую комнату. На одной из стен висели снимки с квадрокоптера и топографический план местности. Два года назад "фарфоровый человечек" не обманул, когда сказал, что они закатывают масштабную вечеринку. Место недалеко от острова Шпицберген, расположено в нейтральных водах прямо на границе Норвегии и России, который мы называем просто «Архипелаг», без лишних наименований. Получается, никому из государств он не принадлежит. Да и кому, сдался этот бесполезный кусок камня, наполовину покрытый льдом?

Наши заказчики, как я понял, заплатили и норвежскому правительству, и российскому. Теперь это частная собственность, на которой можно делать всё что угодно. По официальным документам там будет находиться коммерческая организация, занимающаяся экологической безопасностью северных регионов. В общем – ничего нового. Всё самое интересное будет происходить внутри скалы.

Это долгий и, пожалуй, самый сложный проект. Естественно, мы не вдвоём с Альбертом работаем над ним. При-

влечено большое количество людей по всему миру. Но руководство всем этим процессом доверили нам. Хорошо, что работы временно приостановили из-за погодных условий. Тяжело долбить скалу в вечной мерзлоте, не раскрошив её на мелкие куски.

Вздыхнув, я отвернулся от стола и направился к лестнице ведущей к выходу. Стоит сделать перерыв и немного отдохнуть, прежде чем я займусь своей гостьей.

* * *

Быстрый душ и плотный завтрак с крепким кофе, неплохо взбодрили меня. Я остановился перед столом, на котором были разложены: телефон, ежедневник, досье на семью Евы Литковски, ноутбук и папка с компроматом.

Прочитав досье, многое встало на свои места. Её отец – политический журналист, достаточно известный, пропал без вести около года назад. Литковски родом из России. Когда его тут прижали в девяностых за организацию митингов, он смотался по-быстрому в Америку, но жить там не остался и перебрался в Европу. В Германии, получил гражданство и продолжил копаться в грязном белье политиков и бизнесменов. Было пару громких дел с его участием, и одного крупного бизнесмена даже прилюдно посадили, освещая это дело по телевидению от начала до конца.

Я знал эту историю. Очень хорошо знал. Ведь посадили

того, кто нам в какой-то момент стал сильно мешать – точнее, слишком много болтать. Получается, Альберт с этим Литковски давно знаком. Но вот вопрос: он ли его убил? И знает ли Альберт о существовании этой папки с грязной бухгалтерией Кёллерманов? Там кое-что из личных счетов и много всего относительно их фармбизнеса. Это очень серьёзные бумаги, пусть и копии. Если знать, кому и куда их отнести, можно создать массу проблем.

На меня и Альберта ничего нет в этой папке, не считая списка в личном блокноте, который я тоже пролистал. На следующих страницах были пометки о некоторых людях из списка. Забавно, что напротив Альберта и ещё одного мужика по фамилии Горский стояли плюсики. Эти двое – последние люди, с кем могла бы связаться восемнадцатилетняя школьница. Альберт – психопат-убийца, и Горский – сутенёр. Нашла напротив кого ставить плюсики.

По самым скверным предположениям, она искала Альберта, и всё это добро ей досталось от папочки-мудака, который допустил огромный промах, оставив документы ребёнку. Судьба маленькой Евы уже предрешена.

Сложив всё в спортивную сумку и собравшись с мыслями, я направился к выходу. К чему оттягивать неизбежное? Мне нужны ответы. В этом всё, скорее всего, замешан человек, небезразличный мне.

Апрельский воздух пропитан сыростью и холодом, а земля под ногами – мягкая от недавно растаявшего снега. Ветви

деревьев, ещё не покрытые листвой, тянулись к серому небу, словно чёрные щупальца. Я знал это место настолько хорошо, что мог ходить тут с закрытыми глазами. Ветки хрустнули под ногой, и я по привычке начал озираться, но потом стряхнул с себя это чувство тревоги. Я уже давно не маленький, и мне не надо больше бегать тут от людей, которые когда-то меня тренировали.

Где-то вдали закаркали птицы и взлетели в небо, испуганные чьими-то шагами. Возможно, это работники с лесопилки, а может, охрана. Не важно – попасть посторонним на территорию практически невозможно. Весь периметр окружён высоким забором с колючей проволокой, камерами наблюдения и датчиками движения.

Из-за деревьев показался знакомый полуразрушенный домик лесничего. Правда, никакой лесничий там никогда не жил. Здесь Альберт держал людей, которые были подопытными. Это было давно. Сейчас в этом нет необходимости – в нашем распоряжении имеются искусственные манекены, созданные с невероятной анатомической точностью. У них даже есть механизм, который запускает сердце и приводит в действие кровеносную систему. Их делают для меня не в первый раз, и они отлично справляются со своей задачей. Удобно испытывать работу какого-либо устройства, причём неоднократно. Можно закачать в них искусственную кровь, зашить нанесённые повреждения и начать заново.

Пара минут – и я уже внутри домика. Спускаюсь в подвал,

как обычно, здесь воняет сыростью и смертью. Запах, который вьелся в стены, пол и потолок. Весь дом пропитан страданиями тех, кто здесь побывал.

Ева больше не кричит, полагаю, сел голос. Она сидит на стуле, свесив голову, посреди небольшой комнатки с деревянными полами, которые давно потемнели от крови и грязи. Стены обтянуты плёнкой, чтобы было проще убирать. В углу стоит подвижный столик на колёсиках, как те, что в хирургических кабинетах, и несколько пластиковых вёдер с холодной водой.

На одной из стен висят кандалы и цепи, верёвка, металлические крюки, несколько плетей с разными вставками – из металла, дерева и даже стекла. На потолке установлен металлокаркас для подвешивания и фиксации другими устройствами. Я там висел. Да и на этом чёртовом стуле сидел. Знаю, что чувствуют люди, оказавшись тут.

Сначала мой папаша – психопат просто заставлял меня смотреть, как пытаются других. Если отворачивался – получал. Если становилось плохо – получал. Если плакал и просил прекратить – вставал на место жертвы. Когда мне было тринадцать, я впервые убил человека. Своими руками. В этой самой комнате. Мне казалось, что я не буду ничего чувствовать, но я ошибался. Рвало меня тогда знатно, ну а потом, конечно же, Альберт меня высек за эту слабость. Тело передёрнуло судорогой от этих воспоминаний.

Я взял ведро и без лишних слов окатил Еву водой. Ничего

я больше не чувствовал, ни к кому. Эмпатия давно умерла во мне. Было ли мне её жаль сейчас? Нет, она сама виновата. Каждый платит за свои ошибки.

Ева пришла в сознание и издала хриплый всхлип. Она начала извиваться, но вскрикнула от боли. В этом месте не водилось обычных верёвок. Те, которыми я привязал её к стулу, были обмотаны острыми лесками. По воспалённой коже на шее, сгибах локтей, запястьях и ногах было видно, что поначалу она сопротивлялась и, наверное, пыталась выбраться, а это значит – резала себя.

Подвинув столик на колёсиках ближе, я выложил из сумки ноутбук, её телефон (в котором, конечно, уже не было сим-карты) и бутылку воды. Потом взял стул для себя и сел напротив.

— Ну что, Ева, пора нам поболтать с тобой, — спокойно сказал я, пристально глядя на неё.

Она снова начала вырываться, её тело напряглось, а из горла вырывались тяжёлые всхлипы. Она пыталась что-то сказать, но из её пересохшего рта выходили только слабые хрипы, больше похожие на стон умирающего зверя.

— Чем активнее двигаешься, тем больнее будет. Успокойся и прекрати рыдать, — безразлично бросил я, и ещё раз мысленно оценил её состояние.

— Я дам тебе воды, но, если ещё раз попытаешься укунить меня, останешься без зубов.

Зайдя ей за спину, я грубо отклонил её голову, дёрнув за

волосы, и с силой влил воду. Она почти не сопротивлялась, жадно глотая жидкость. Ещё бы – двое суток без воды. Бутылка быстро опустела, часть воды пролилась мимо, но ей этого хватит. Я отшвырнул бутылку в сторону и вернулся на стул.

— Кого ты искала, Ева? И зачем? — холодно спросил я, уставившись на неё ледяным взглядом.

— Я... я... пп-просто... фотограф... просто... — она трясла головой, продолжая лгать, словно это могло её спасти.

Она, похоже, всё ещё не осознавала, что происходит. Я устало вздохнул.

— Я знаю и о тебе, и о твоей семье. Это было не сложно. Меня интересует, откуда ты взяла бордовую папку и список имён в твоём ежедневнике.

Ева вдруг снова начала вырываться, её крики превратились в визг, она зывала о помощи, словно кто-то мог её услышать. Мне ничего не оставалось, кроме как отвесить ей хлёсткую пощёчину, которая заставила её замолчать. Звук удара эхом отразился от стен дома.

— Я понимаю, что это твой папаша нарыл всё, что лежит в папке, но вот как это всё оказалось в твоих руках? — угрожающе покачал головой.

Она тихо заплакала, не поднимая взгляда. Тело сотрясала мелкая дрожь, словно от холода, хотя скорее от осознания происходящего.

— Это ты... ты убил... убил его... Кто ты... кто ты та-

кой... зачем... — бессвязно бормотала она, всхлипывая. Её голос дрожал, слова путались.

— Лично я твоего старика знать не знал, но Альберт, похоже, имел с ним какие-то дела. Может, он убил, а может, кто-нибудь другой. Твой отец, знаешь, имел привычку лезть туда, куда не просят. Уверен, нажил себе кучу врагов, так что... — я пожал плечами, как будто говорил о чём-то обыденном.

— Ал-Аль-берт... Ты з-знаешь... его? — вдруг спросила Ева, её голос звучал как последняя надежда, которую она отчаянно пыталась ухватить.

Я сдержал себя, чтобы не расхохотаться. Она действительно думала, что Альберт стал бы ей в чём-то помогать. Какая же всё-таки идиотская ситуация получается. Девчонка просто решила поиграть в детектива, но не рассчитала, что всё может обернуться вот так. Глупо. Очень глупо.

— Дорогуша, если твой отец имел с этим человеком какие-то дела, это не значит, что он хороший, — хмыкнул я и достал её блокнот из сумки.

— Я немного расскажу тебе, кто те двое, отмеченные плюсом в твоей книжице. Альберт – убийца с садистскими наклонностями, а другой, Горский, девками торгует, и не всегда с их согласия. Вот и скажи мне, с кем из них ты хотела поболтать?

— Нет! Нее... Нет... Мой отец... он не стал бы... не стал бы иметь дела с убийцей! — её голос сорвался на крик, пол-

ный отчаяния и неверия.

Она начала вырываться, её тело напряглось, а слёзы текли по лицу. Может, от боли из-за веревок, а может, от страха, который уже полностью овладел ею.

— Ты глупая и очень наивная, но сейчас уже поздно об этом говорить, — отрешенным, безэмоциональным тоном сказал я.

Она ведь подросток, который пересмотрел сериалов и который даже не понял, во что ввязался. Я сам был таким когда-то наивным дурачком, за что и поплатился. А если бы ко мне попали эти бумажки тогда? Я быстро осёкся и потряс головой. Забудь, Виктор, уже слишком поздно о чём-то жалеть.

— Меня будут искать! Мой брат... — закричала она голосом, полным отчаяния, но я её перебил.

— Работает в уголовной полиции Берлина, обычный служащий. Едва ли он хоть что-то может сделать, милая. Не забывай, что сейчас ты находишься в другой стране, — я вздохнул и потёр переносицу. — Нам пора переходить к делу, Ева. Мы можем всё закончить быстро, а можем продолжать это долго. Очень долго.

Она снова завизжала и с силой задёргалась. Из-под веревок местами начала сочиться кровь, но выброс адреналина притуплял боль. В критических ситуациях это работает как сильное обезболивающее, правда потом это сойдёт на нет, и будет больно вдвойне.

Я резко схватил её за плечи, сжимая со всей силы, прерывая истерику и заставляя смотреть на меня.

— Хватит причитать. Видишь, там на стене висят всякие интересные инструменты? Будешь истерить – я ими воспользуюсь. Подвешу тебя под потолком и высеку так, что можно будет разглядеть позвонки. Поняла меня? — прошипел я и со всей силы тряхнул Еву.

Из её глаз градом катились слёзы, а тело сотрясала крупная дрожь, но она быстро закивала.

— Сейчас я буду спрашивать, а ты отвечать. Почувствую ложь – и вот это, — я ловким движением достал маленькую булавку, прикреплённую к своей футболке, — войдёт тебе под ноготь. И так с каждым пальцем.

Ева закусила губу так сильно, что, кажется, прокусила её. Её голова быстро затряслась, давая понять, что она услышала меня. Я сделал глубокий вдох, отстраняясь от лишних эмоций, а потом сел напротив.

— Итак. Вопрос первый. Кому ещё ты показывала папку?

— Нннии...никому, — очень неуверенно прошептала она, её голос дрожал, как будто она сама не верила своим словам.

— Ева, — предупреждая сказал я, медленно поворачивая булавку между пальцев. Острие блеснуло в тусклом свете лампы, напоминая о том, что её ждёт.

— Никому! Никто не видел! — заорала она, замотав головой и глядя на меня умоляющим взглядом, полным слёз

и страха.

Она снова разразилась рыданиями, но теперь это были слёзы не только от боли, но и от безысходности. Понятно, что она врёт или недоговаривает. Видимо, наконец до неё начало доходить, что это не весёлые игры в детектива. Никто не придет спасать её в самый последний момент.

Стиснув зубы, я резко пододвинулся к ней и сделал то, что обещал. Острие тонкой иглы медленно вошло под ноготь, разрывая мягкие ткани и задевая самые чувствительные нервные окончания. Кровь выступила мгновенно, а её крик оглушил меня, словно раскат грома. Она должна понять, что мои угрозы – не просто слова. Так наш разговор будет быстрее и продуктивнее.

Её ор пробирал до костей, она вырывалась так сильно, что верёвки впивались в её кожу ещё глубже, оставляя кровавые полосы. Я прекрасно знал, насколько это болезненно. Такая маленькая и, казалось бы, безобидная бытовая вещь может принести невероятные страдания. Ногти – не самое страшное, куда можно воткнуть иглу. Был один заказчик, любитель иглоукалывания, я писал для него руководство. Веки, десна, подмышки, соски, пупок, невольно мой взгляд останавливался на всех этих частях тела пленницы. Опускать взгляд ниже к гениталиям я не стал и постарался выбросить из головы посторонние мысли. Я и этого-то не собирался делать, но обстоятельства изменились. Девчонка ещё легко отделалась.

Где-то там, очень глубоко внутри меня, что-то дрогнуло. Может, это была жалость или сочувствие? Но это чувство исчезло так быстро, что я даже не успел понять, что это было. Вот, Виктор, ты и стал тем, кем тебя хотел видеть отец. Можешь поплодировать себе.

Грубо тряхнув Еву за плечо, я заставил её очнуться из полубморочного состояния, в которое она впала после своих оглушительных криков.

— Продолжим. Надеюсь, ты усвоила правила нашей игры. Давай попробуем ещё раз. Где ты взяла папку?

Рыжей потребовалось с полминуты, чтобы собраться и начать говорить.

— Через месяц, — она не выдержала и, сбившись, заревела, но потом сделала глубокий вдох и продолжила. — Как пропал отец... на личную почту моего брата пришло письмо... он ничего не видел! Не знает ничего... о документах... пожалуйста... он не видел... он не стал бы... ничего делать...

— Прекращай рыдать. Чем более несвязно ты лепечешь, тем больше вероятность, что придётся поговорить и с твоим братом. Или, скажем, с его семьёй.

Её глаза округлились от страха, и она замотала головой, пытаясь выровнять дыхание. В её глазах, помимо ужаса, вспыхнула пылающая ненависть ко мне. Конечно, я блефовал — делать мне больше нечего, тащиться к её брату.

— Я знаю пароль от его личной почты, — прохрипела она,

— украла его, и проверяла почту. Знала, что скорее всего папа подстрахуется на случай своего исчезновения. В почте был адрес... — её испепеляющий взгляд снова устремился на меня, полный ненависти и отчаяния.

— Продолжай, — я вздёрнул бровь и безразлично посмотрел на неё, стараясь скрыть внутреннее напряжение.

— Это недалеко от Мюнхена. В Дахау. Маленькая квартира...

Надеюсь, у меня получилось сохранить нейтральное лицо, потому что внутри всё похолодело. Я знал, кто мог дать все документы, лежащие в папке, потому что место, которое она назвала говорило мне о многом. А если я понял это так быстро, то и Альберт тоже это поймёт. Или уже понял. Всё зависело от того, видел ли он эту папку, и умер ли журналист из-за неё или по какой-то другой причине. Никогда мне так не хотелось лететь сломя голову в это чёртово поместье в Мюнхене, чтобы убедиться, жива ли она.

— Точный адрес! — сказал я резче, чем того хотел, сжимая кулаки.

Она снова начала плакать, поэтому мне пришлось встать и направиться в сторону висящих на стене розг.

— В телефоне! В заметках! Пожалуйста, нет! Не надо! — завизжала она. — Заметки... фильмы... в телефоне... в заметках...

Вернувшись обратно, я взял телефон и проверил заметки с названием “фильмы на пятницу”. Затем по адресу, который

был в заметках посмотрел, есть ли вообще там дома.

— Там больше ничего нет. Я удалила письмо с почты брата. Знала, что он не поедет. Никто не видел! Честно... — тяжело дыша, гневно выговаривала она каждое слово, словно пытаясь убедить не только меня, но и саму себя.

Стоит ли ей верить? Хотя, если бы это передали полиции, возможно, они бы попытались возбудить дело. Но сразу бы замяли. Может, мне стоит остановиться и не вникать дальше? Но могу ли я так поступить? Дело не в жалости к девочке — она уже мертва, можно сказать. Дело совсем в другом.

— Ты!... Больной психопат... — прошипела она вдруг, дёргаясь на стуле.

— Не самый худший, дорогуша. Лучше бы ты так резво на мои вопросы отвечала. Сколько копий ты сделала и есть ли у тебя оригиналы документов из бордовой папки? — спросил я, одарив её ледяным взглядом.

— Скан всей папки на ноутбуке... скрыт... в облаке, — стиснув зубы, дрожа, сказала она и указала головой на свой ноутбук.

Я подвинул столик ближе к себе и быстро открыл его. Яркий экран заставил меня прищурить глаза, а Еву — отвернуться. Она назвала мне длинный пароль, постоянно сбиваясь, но я был терпелив, хоть и давалось это с большим трудом. Пока я шарил в папке и быстро листал сканы копий, она всё ерзала на стуле и всхлипывала.

— Оригиналлов у меня нет, — очень тихо сказала она и тяжело задышала.

Пока что я проигнорировал её утверждение об оригиналах. Вряд ли она будет врать. Слишком боится боли.

— Ева, скажи мне, откуда в твоём ежедневнике список имён и фамилий? Почему имя Альберта помечено как лицо, предоставляющее информацию? Давай только без истерик, я понимаю, что это из каких-то личных записей твоего отца, — спокойно сказал я, не отрывая взгляда от ноутбука.

Она продолжала тяжело дышать, но отвечать, видимо, не спешила. Я уже хотел отставить ноутбук и заставить её говорить.

— Я сфотографировала личный блокнот отца, не весь, всего пару страниц. Он хранил его в потайном сейфе с биометрическим кодом, но я... я смогла залезть туда... и посмотреть...

Какая же всё-таки настырная и упрямая девица. Или просто до тупого любопытная.

— Где этот блокнот? — всё с тем же спокойствием спросил я.

— Я не знаю... — чуть дёрнулась она и скривилась от боли.

Ещё одна булавка быстро оказалась в моих руках, и я начал подходить к ней.

— Не знаю! Не знаю! Не знаю, не знаю... Этим фото почти два года! — завизжала она, её голос сорвался на исте-

ричный крик. — Отойди от меня! Помогитеееее! — орала она, заливаясь слезами.

— Я ещё ничего не сделал, но сделаю, если не прекратишь орать. Ты начинаешь меня утомлять, рыжая.

— Да будь ты проклят! Тварь! — она забилась на стуле так сильно, что он заскрипел, а болты, которыми он был прикручен к полу, начали разбалтываться.

Я пожал плечами и сел на корточки напротив неё. В следующую секунду булавка вошла под ноготь следующего пальца. В этот раз она визжала не так долго, потому что её вывернуло почти на меня. Такое часто бывает, и я удивлён, что она не начала блевать раньше. Девчонка всё-таки, ещё молодая.

— Урод! — она плюнула в мою сторону, но слюна даже не долетела.

— Осталось восемь, — ухмыльнулся я. — На руках...

Её страх сменился на ярость и гнев. Чувство безысходности овладело разумом, отодвигая инстинкт самосохранения в сторону. Мне правда не хочется её пытаться. Я – убийца, но не садист и не психопат. Не встаёт у меня на такие развлечения.

— Я могу сделать куда хуже, Ева. Думаю, ты совсем не готова к этому.

— Да кто ты такой вообще!? — снова зарыдала она, свесив голову.

— Виктор. Я же представился тебе. Тот самый из твоего занятого списка. Ты же поэтому не убежала от меня.

— Почему?! Зачем ты это делаешь со мной? Зачем...

Её голос сорвался, и она горько заплакала. Возможно, уже поняла, что на помощь к ней никто не придёт.

— Где хранятся фото? — повторил я свой вопрос.

— Скрытая папка, в папке "прочее", — ответила она. Её голос звучал как последний шёпот перед капитуляцией.

Переместившись к открытому ноутбуку, я быстро нашёл скрытую папку. Мне было достаточно только посмотреть на обессилившую Еву, которая назвала мне пароль. Он отличался от прошлого только последними двумя цифрами. Шифровальщик, конечно, из неё никакой.

На экране подгрузились плашки с фотографиями – всего десять. Некоторые были смазаны, значит, она действительно торопилась, фотографируя. Пока что всё казалось бесполезной ерундой: быстрые бессмысленные заметки, номера телефонов, места и время встреч. На первый взгляд – просто ежедневник. Но стоило детальнее проверить места встреч и выяснить, что за телефоны.

Следующее фото. Аналогичный список, только фамилий куда больше. Какие-то выделены маркером, напротив других стояли пометки: точки, галочки, прочерки. Следующее фото. Пометка на немецком: *Informant*. Имя Альберта, его телефон временный, и скорее всего, уже уничтоженный давно. Адрес моего офиса. Старый хер решил встретиться с ним здесь, в России. Следующая строка указывала на некоего анонима, напротив которого стояла фамилия Кёллерман.

То, что я увидел ниже, заставило меня перестать дышать, а сердце – забиться чаще. Я понял, что журналист выписал, кто из семьи был его информатором... Одно из имён было слишком хорошо мне знакомо. Мои догадки подтвердились.

Надо как можно скорее избавиться от всех хвостов и утихомирить пыл ещё одной идиотки, которой, видимо, жить хорошо надоело. Моё золотое правило рассыпалось на глазах. Ведь я уже влез в это дерьмо и не могу остаться в стороне.

Всё что мне требовалось, я выяснил. Рука нащупала в кармане шприц. Быстрая, безболезненная смерть. Она просто уснёт. И всё.

Ева словно почувствовала или поняла, что сейчас произойдёт, и снова начала вырываться.

— Я же всё рассказала! Всё! Не убивай меня! Я уеду домой. Я больше никогда... Никогда... — её голос дрожал, слова путались, в глазах читалась чистая, животная паника.

Тяжело вздохнув, я покачал головой, доставая шприц.

— Ты же всё понимаешь. Уже слишком поздно. Мир жесток, Ева. Быстрая смерть — не самый худший исход, поверь. Есть вещи куда хуже, — я стукнул пару раз по шприцу, выпуская пузырьки воздуха, и посмотрел на неё.

— Тебя посадят! Ты не можешь! Так нельзя! — орала она. Её крик эхом разносился по подвалу.

— Не дёргайся. Будет не больно, — только и смог я выдавить из себя, заходя ей за спину.

Конечно, она меня не послушала. Мне пришлось намотать её волосы на кулак, чтобы отогнуть голову и попасть иглой в яремную вену на шее. Последние секунды жизни она потратила на то, чтобы проклинать меня и желать мне вечно гореть в аду. Жаль, что она не понимает: мы и так живём в аду. Она просто не успела понять, каковы люди на самом деле. Порочные, продажные, жадные до власти и гнилые насквозь существа. Все мы лицемерны и любим лишь изредка примерять маски добродетели, когда это требуется. Она сама рано или поздно стала бы такой.

Тело Евы обмякло, голова безвольно свесилась набок. Моя рука до сих пор держала её волосы. Я окинул безжизненное тело взглядом. Вот и всё. Надеюсь, её ждёт либо пустое бесконечное ничто, либо что-то приятнее этого места.

Я начал развязывать верёвки, которые местами так сильно врезались в кожу, что пришлось их с силой выдёргивать. Когда-то давно я бы тут всё заблевал от отвращения – и к себе, и к труп. Но сейчас внутри меня только безмолвная пустота. Это просто кусок мяса. Намного сложнее, когда он разговаривает, плачет, умоляет, проклинает. Теперь же это просто оболочка – без имени, без чувств, без эмоций.

Её тело гулко свалилось на пол. Я выпрямился и попытался расслабиться, хотя всё тело ломило, голова раскалывалась, колено ныло, и ко всему этому добавилась рука. Рыжая, конечно, яростно вцепилась в неё. Чёртова рука болела всё это время так, будто её сломали.

Кажется, пора навестить моего доктора Айболита, который штопал меня всё детство и молчал. Боялся старика моего или просто сумма была достаточной, чтобы он закрывал глаза.

Размышляя над своими планами на ближайшие дни до поездки в Мюнхен, я собрал вещи Евы в сумку, попутно прибираясь в комнате. Надо внимательно всё изучить, понять, что за налоговые отчёты и договоры лежат в папке. Скорее всего, что-то отмывали, но думаю, найду там куда больше. Как никак, уже двое мертвы. После светского ужина, надо как можно скорее отправиться в Дахау, обыскать там всё и уничтожить. В идеале нужен блокнот. Хочется верить, что Альберт не знает о его существовании.

За спиной я услышал отчётливый шелест пластмассовой плёнки, боковым зрением уловил тень. Что за? Я потёр глаза и, вздохнув, повернулся к стулу, стоящему в центре комнаты. Стало темнее, чем было. Намного темнее. Комнату заволок лёгкий тёмный туман, который медленно полз по полу, окутывая всё вокруг. Я снова потер глаза, злясь на самого себя. Не надо было пить целую горсть сильнодействующих обезболивающих, запивая их кофе. Мне надо поспать. Может, пусть труп полежит тут до утра? Или позвать охрану и доверить это им.

Труп. А где он, собственно? Я растерянно посмотрел на пустое место, где лежало тело Евы. Голова запульсировала от острой и резкой боли, перед глазами всё зарябило, как на

старой видеоплёнке. Воздух стал густым, тяжёлым, словно комната наполнилась чем-то невидимым, но ощутимым. Я услышал неестественный, ехидный смешок у себя за спиной. Холод пробирающий всё тело поднялся по спине и сжал горло.

— Ты пожалеешь о том, что сделал, — раздался хриплый голос за спиной.

Не успел я выйти из оцепенения и развернуться, как почувствовал сильный толчок в спину, который заставил меня стремительно полететь на пол. Быстрое, жёсткое падение. Я попытался встать, но тело налилось свинцом и двигалось как в замедленной съёмке. Всё, что у меня получилось – завалиться на бок, а потом сесть.

Комната была та же и одновременно нет. Стены и потолок полностью прогнили, из них сочилась какая-то чёрная жижа, медленно стекая вниз. Пол был изъеден гнилью и плесенью, а плёнка истёрлась, будто лежала тут лет сто. В воздухе стоял стойкий, густой запах разложения, который не давал нормально дышать. Я поймал себя на мысли, что теперь это место полностью отражает то, что здесь происходило многие годы подряд.

Вспышка невыносимой головной боли охватила меня, заставляя схватиться за голову и зажмуриться. Руку тоже жгло так, будто кости начали плавиться. Мерзкий, но в то же время звонкий смех звучал везде, отражаясь от стен, словно эхо из глубины ада.

— Смотри, кого я привела. Они мечтали посмотреть, как ты страдаешь, — голос заставил меня раскрыть глаза и оглядеться.

Вокруг меня стояли сотни изувеченных и истерзанных тел. Мужчины, женщины, дети... Многие были безликими, но их тела говорили о многом: изрезаны, порваны, сожжены, изъедены язвами. У некоторых отсутствовали руки, ноги, и даже головы. Распоротые животы с торчащими наружу кишками, обугленные конечности, вывернутые суставы, раздробленные кости торчащие сквозь кожу. Их раны сочились кровью и гноем, а глаза, если они ещё оставались, смотрели на меня с немым укором.

Они отражали всё то, что делали с ними в комнатах пыток. Всё, на что была способна моя фантазия, которую воплощали другие люди, жаждущие новых ощущений и пользующиеся нашими с Альбертом услугами. Я старался не смотреть на тех, у кого были лица, ведь многих я узнавал и помнил, как они умерли от моих рук. Они смотрели на меня с тихим укором, спрашивая: "За что?"

— Смотри! Это ты сделал! Ты должен страдать так же, как страдали все они! — яростно прошипел голос звучащий как скрежет металла по стеклу.

Мёртвая Ева возвышалась надо мной, словно тень, вырвавшаяся из самых жутких кошмаров. Её янтарные глаза, неестественно яркие и холодные, словно два застывших огня, прожигали меня насквозь, не оставляя ни капли сомне-

ния в том, что она видит меня — видит мою чёрную душу. Обнажённое тело, бледное, как лунный свет на могильных плитах, было испещрено тёмными следами от веревок, которые я затянул на её хрупком теле. Теперь эти следы чернели, и выглядели так словно сама тьма просачивалась, капля за каплей, наполняя воздух тяжёлым, сладковато-гнилостным запахом. Она не двигалась, не дышала, но её присутствие было настолько плотным, что казалось, будто весь мир вокруг нас сжимается, превращаясь в тесную клетку.

Ева пнула меня ногой в грудь, заставляя лечь на лопатки, а потом села сверху. Её вес был невыносимо тяжёлым, словно на мне сидела не девушка, а каменная глыба, впивающаяся в мою плоть. Тьма вокруг начала сгущаться, становясь почти осязаемой, как будто жаждала поглотить меня. Трупы окружающие нас начали издавать свои предсмертные крики, смешиваясь в какофонию оглушающих звуков, сливающихся в один бесконечный стон. Их голоса наполненные болью, ужасом и ненавистью, звучали не только в ушах, но и в самой глубине моей души.

Ева что-то нашептывала, слова я разобрать не мог, но они звучали как древнее заклинание, наполненное зловещей силой. Скинуть её с себя я не мог, как и прекратить творящийся вокруг ужас. Мне было больно — не в одном месте, а сразу везде. В голове, в теле, в душе, как бы странно это ни звучало. Мне даже показалось, что из моих глаз потекли слезы, а может, это была кровь? Потому что из носа она уже лилась

ручьём.

Резко абсолютно всё затихло, погружая нас в вакуум. Теперь глухие стенания издавал только я, пытаюсь сделать хоть что-то, но мои движения были такими медленными, словно я тонул в густой смоле.

— Ты сполна получишь за свои деяния, — произнёс ледяной загробный голос, звучащий как скрежет льда под ногами.

Она взяла мою руку и вцепилась в то же самое место, куда уже кусала. Только в этот раз она без проблем выдрала кусок мяса и мышц. Адская боль заставила меня выгнуться дугой и попытаться вырваться из её холодной, каменной хватки, но ничего не выходило. Она громко и мерзко чавкала, пережёвывая мою плоть, и смеялась — звонко, оглушительно, как будто сам ад ликовал.

— Ты будешь проклят до конца своих дней, до самого своего последнего вдоха. Ты будешь страдать, — эти слова звучали отовсюду сразу, звучали в моей голове, оглушая меня, проникая в каждую клетку моего тела.

Мою руку грубо откинули, и она безвольно упала, ударяясь об пол. Я почувствовал, как Ева встала, но её присутствие не исчезло. Оно витало в воздухе, как ядовитый туман.

— Он ваш, — произнёс её голос, и после этого началась настоящая агония.

Боль. Мои вопли. Треск и хруст костей. Рвущаяся кожа. Я чувствовал, как моё тело ломают, рвут, разрывают на части,

но не мог ничего сделать. Я умолял остановиться, но никто меня не слышал. Всё повторялось снова и снова, как будто я попал в бесконечный цикл боли и ужаса.

— Господин Лаубе! Господин Лаубе! Очнитесь же! — сквозь свой собственный ор я услышал тихий, но знакомый голос охранника с лесопилки.

— Очнитесь! — уже громче и отчётливее пробился грубый басистый голос.

Меня трясли за плечи, звали, и вдруг, о чудо, тело начало слушаться меня. Я наконец-то смог вскочить на ноги с этого грязного, вонючего пола. Зрение постепенно пришло в норму, но глаза всё ещё застилала пелена. Задыхаясь, я судорожно вертел головой, трогал своё тело, проверяя, цело ли оно. Рука! Моя рука целая, почти. Синяк и ссадина от зубов всё ещё отчётливо были видны, но ничего из того, что мне привиделось, не было. Труп девки так же мешком валялся на полу.

— Чё уставился!? — рявкнул я на охранника, поправляя одежду и смахивая с рукава пыль.

— На вас напали? Вы звали на помощь, — неуверенно спросил он, нахмурившись и переводя взгляд с меня на труп.

— Что. Это. Было за... дерьмо! — я приложил руку ко лбу, чувствуя, как голова раскалывается. — Ты что, тупой совсем? Кто тут может напасть на меня? Сдохла она, уже остыла даже. Скинь её в дробилку, — зло сказал я, схватив спортивную сумку с ноутбуком и буквально вылетел из ком-

наты.

Мне хотелось поскорее убраться подальше от этого места. Что это было?! Совсем крыша поехала? За двадцать девять лет, что я прожил, чего только со мной не происходило, но моя психика всё стерпела и выстояла. Да, ситуация хреновая с этим компроматом, но ведь бывало куда хуже. Девчонку убивать не особо хотелось, но она сама виновата. Ведь так?

Остановившись посреди леса, я опёрся рукой о рядом стоящее дерево. Кора была шершавой и холодной, но это хоть как-то помогало мне держаться в реальности. Надо выпататься и только потом спокойно возвращаться к делам. Сейчас я пойду домой, закинусь снотворным и отосплюсь.

Где-то на задворках сознания хихикнул тот самый неестественный смех мёртвой Евы. Я стиснул челюсти и сделал глубокий вдох, а потом медленный выдох. Выпрямился, расправил плечи, стараясь подавить дрожь в руках. Игнорируя свои галлюцинации и подавляя растущую панику в груди, не спеша двинулся в сторону дома.

ЗАГРУЖЕНО

Глава 3

Москва. Россия.

Тимур.

— Овсянка с орехами и свежими ягодами, омлет с ветчиной и большой капучино, — сказал я официанту, который быстро записал заказ.

Глянув на часы, я достал телефон и открыл приложение с планером дел на неделю. Осталось завершить всего одно простое расследование, и я наконец смогу поехать в отпуск и вырваться из ненастной Москвы. Моя работа позволяет быть свободным в выборе времени для отдыха. В следственном комитете такого раздолья не было. Конечно, было сложно уходить после стольких лет службы, но последнее дело которое я вёл, буквально заставило меня поскорее уйти с работы и забыть об этом отрезке жизни, как о страшном сне. Лучше работать частным следователем и браться за дела вроде слежки за неверными супругами, поиска загулявших подростков, которые, как правило, убегают сами, но и возвращаются тоже сами. Один раз я даже занимался поиском украденной породистой собаки. Обидно было, что за собаку я получил гораздо больше, чем за тех же сбежавших детей. Никогда мне не понять наплевательского отношения к собственным детям.

За четыре года работы в частном сыске я много чего на-

смотрелся, но это всё равно было морально легче, чем дела в комитете.

Экран телефона резко погас, но через мгновение снова вспыхнул – входящий звонок от моей бывшей жены.

— Привет, — быстро ответил я, стараясь скрыть лёгкое напряжение.

— Привет. Тим, ты можешь сегодня забрать Мишу из школы и отвезти на хоккей? Я не успеваю, — устало произнесла она. Создалось ощущение, что она запыхалась.

— Без проблем! Он может и у меня остаться сегодня, — предложил я, надеясь на одобрение.

— Нет! — резко оборвала она, но затем её тон смягчился, и я услышал тяжёлый вздох. — Не сегодня, Тимур. Мы же договорились, что такие ночёвки обговариваем заранее.

Меня раздражали эти правила, но её я тоже мог понять. Отец из меня вышел скверный. Хотя в глазах моего двенадцатилетнего сына я, казался идеалом. Ведь ночевать у меня означало: не спать почти до утра, играя в приставку, смотреть боевики и ужастики, завтракать пищей, кататься на велосипедах по вечернему городу и делать многое из того, что он не может себе позволить, живя с матерью. Арина злилась на меня за это, но я ничего не мог с собой поделать – мне нравилось проводить с ним время именно так, делать его счастливым, пусть даже ненадолго. Возможно, если бы мы жили вместе, я бы вёл себя иначе. Но он остаётся у меня всего раз в месяц на одни выходные.

— Ладно, во сколько мне его привезти домой? — спросил я, стараясь не показывать своего разочарования.

— Тимур, — строго сказала она, — не надо сбивать его режим посреди недели. После хоккея — сразу домой.

Держу пари, она уже пожалела о своём звонке. У нас был составлен чёткий график встреч, и Арина редко его нарушала. Знаю, что, если бы не суд, в котором она проиграла, я бы, возможно, вообще его больше не увидел. Она требовала полного запрета на встречи, но, к счастью, суд встал на мою сторону. Арина ненавидела то место, где я проработал больше десяти лет. Её терпение лопнуло в тот момент, когда на неё напал один из уголовников, пытаясь надавить на меня. Вина в этом была только моя, и я не стал сопротивляться разводу. Единственное, чего я не позволил ей сделать — лишить меня сына.

— Извини. После хоккея привезу сразу домой, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Пока, — коротко бросила она и сбросила звонок.

За последние три года она немного оттаяла, и этот разговор был далеко не самым худшим. Но всё равно в её голосе всегда звучала эта лёгкая горечь, как напоминание о том, что я для неё навсегда останусь человеком, который подвёл её, разрушил то, что мы строили.

Мне уже принесли еду, и я без особого аппетита приступил к еде. Тошнота от воспоминаний и ошибок, которые я наделал, подкатила и не позволяла нормально насладиться

завтраком. Я ведь даже не сразу уволился после развода. Подумал, что уже и не важно, останусь я или уйду – семья-то всё равно развалилась. А потом было ещё то дело о массовом жестоком убийстве и все странности, связанные с его расследованием. Я покачал головой, пытаюсь отогнать эти мысли. Зачем снова перебирать в голове то, что я до сих пор не могу объяснить даже самому себе? Дело закрыто, и меня была возможность узнать всё, но цена правды не стоила того.

Свои рабочие дела я закончил к четырём часам дня. Передал фото и видео женщине, которая заказывала слежку за своим неверным, но богатым мужем. Она хочет отсудить у него всё имущество по условиям брачного договора. На оставшиеся пару недель месяца, я был свободен, так как специально не брал новых дел в работу. В целом, я закрывал их достаточно быстро. Связи в правоохранительных органах, которые я сохранил после ухода из следственного комитета, сильно облегчали работу. Бывшие коллеги помогали с информацией, доступом к базам данных, а иногда и просто советом. Это позволяло не тратить время на бюрократию и сосредоточиться на самом расследовании. Но, несмотря на это, близких друзей среди них у меня так и не появилось. Даже те, с кем когда-то делил ночные дежурства и бесконечные чашки кофе, теперь стали просто знакомыми. Мы обменивались парой фраз при встрече, но дальше этого дело не шло. Возможно, я сам не хотел сближаться, боясь, что кто-то снова попадёт под удар из-за меня. А может, просто устал от

людей, которые всегда были частью работы, а не жизни.

Припарковавшись у школы, глянул на часы. До конца уроков – час. Чтобы не сидеть без дела в машине, листал предложения турагентств. Кира настойчиво уговаривала на Таиланд, но продолжительность полёта напрягала. Я не очень люблю летать на самолётах. Четыре часа в воздухе – это испытание, а уж про десять я вообще молчу. Но, с другой стороны, надо же как-то перебарывать свои страхи. Да и она так красочно описывала, как мы с ней вдвоём будем пить коктейли на закате, сидя на пляже, что я почти поддался на эту затею.

Кира появилась в моей жизни год назад. К тому времени я понял, что бывшая жена не вернётся ко мне и не простит. Неважно, где я буду работать и кем. Мише я ещё ничего не говорил о своей новой подруге. Думаю, пока не стоит.

Я отвлёкся от телефона и взглянул в окно. Яркое здание с большими панорамными окнами и аккуратной отделкой в светлых тонах. Над входом красовалась стильная вывеска с названием, подсвеченная LED-огнями. Вокруг разбита аккуратная зеленая зона с дорожками, скамейками и даже небольшой площадкой для отдыха. Парковка перед школой была заполнена машинами родителей, ожидающих своих детей. Некоторые стояли с открытыми окнами, курили или болтали по телефону. Другие, как и я, просто сидели в тишине, уставившись в одну точку. Изредка из школы выбегали младшеклассники с яркими рюкзаками, смеясь и толкая

друг друга. Я вспомнил, как сам когда-то был таким же — беззаботным, уверенным, что всё в жизни будет просто и ясно.

Ручка машины задёргалась. Я по привычке напрягся, но быстро понял, кто это, и нажал на кнопку блокировки.

— Папа! Привет! — радостно воскликнул Мишка, залезая в салон и кидаясь в мои объятия.

Я крепко его обнял, но всё же насторожился: почему он так рано вышел с занятий?

— Миха, у тебя же ещё один урок? Ты же не сбежал с него, надеюсь? — напряжённо спросил я, понимая, какой скандал устроит его мать, если это так.

— Нет! У меня больше нет уроков на сегодня, посмотри сам моё расписание, — нахмурившись, ответил он и полез в свой телефон.

Миша развернул ко мне экран и тыкнул в сегодняшний день. Я понял, что ошибся. Хорошо, что приехал раньше.

— Значит, у нас есть лишние полтора часа до твоей тренировки, — довольно сказал я, широко улыбаясь ему.

— Да! Поехали в «Макдоналдс»? — с нескрываемой радостью спросил он, заглядывая мне в глаза, зная, что я редко отказываю ему в таких просьбах.

Повернув ключ в замке зажигания, я улыбнулся и пожал плечами.

— Только не обжирайся, как в прошлый раз, а то плохо будет на тренировке, — подмигнул я ему.

— Супер! — он хлопнул в ладоши, пристёгивая ремень

безопасности.

На полпути мы встали в пробку из-за аварии. Кажется, уже никуда не успевали. Миша от скуки начал ёрзать на сиденье. Сначала он порылся в подлокотнике, видимо, в поисках жвачки или конфеты, но ничего интересного, кроме мусора и прочего барахла, не нашёл. Его внимание переключилось на бардачок. Он открыл его, и ему в руки упал парик, который нужен мне был для работы и который я всё забывал убрать из машины. Такие вещи его не смущали — он знал о моей работе и всегда ею интересовался, как прошлой, так и нынешней. Недолго думая, он нацепил его на себя.

— Ну как? Мне идут длинные волосы? — смеясь, спросил он, смотрясь в маленькое зеркальце.

Я оглядел его и тоже засмеялся. Парик ему был велик, а волосы, достигающие до плеч, спутались в один колтун.

— Ты похож на маленькое пугало, — усмехнулся я и дёрнул за свалывшуюся прядь.

— А чего он такой потрёпанный? Ты что, бомжом притворялся? — с интересом спросил сын, разглядывая упавший с его головы парик.

— Нет. Юношей, у которого были длинные волосы. Но это было давненько, просто всё руки не доходили забрать его из машины.

Миша нахмурился и посмотрел на меня.

— Ты же взрослый! Даже если ты наденешь парик, всё равно будешь похож на самого себя, — задумчиво рассуждал

он.

— Это, — я взял парик из его рук и повертел его перед собой, — только малая часть образа. Есть ещё всякие штуки для профессионального грима, но порой достаточно простой косметики.

— Косметика? Как у мамы, что ли? — с некоторым недоумением спросил он.

Я засмеялся и хотел было объяснить, что это специальная косметика, которую используют для профессионального грима, но почему-то промолчал и задумался. Мне вдруг вспомнилось, как я, будучи в возрасте своего сына, мечтал стать актёром, думал поступить во МХАТ или в другой театральный вуз. Но отец воспринял такие заявления крайне негативно. Военный до мозга костей, естественно считал, что мужчина в нашей семье не будет "скакать по сцене на потеху публике". Поэтому сначала отдал меня в кадетское училище, а потом всё пошло по накатанной: армия, военный вуз и работа по специальности.

Возможно, тогда я злился на него, но это быстро прошло. Он просто не знал, что может быть по-другому, и винить его за это я не стану. В конечном счёте, работа мне нравилась. Я был лучшим в своём деле, но именно поэтому мне доставались самые сложные, запутанные и жестокие дела. Каждое закрытое дело оставляло свой отпечаток.

— Пап! Алло! — Миша слегка толкнул меня в плечо.

Я поморгал и понял, что ушёл в свои мысли, позабыв обо

всём вокруг.

— Прости, — я потёр глаза и закинул парик обратно в бардачок. — Так ты спрашивал, кажется, про косметику. Да, она у меня есть, но я не крашусь каждый день, как мама, не переживай. — Потрепав его по голове, я улыбнулся.

— Это странно, — вдруг сказал мой сын, посмотрев в окно. — Твоя работа странная.

— Какая есть. — Я пожал плечами. — Но думаю, это не самая плохая из возможных.

— А как думаешь, какая самая плохая? — задумчиво спросил Миша и снова повернулся ко мне.

Мне на ум пришло очень многое, но сыну пока не стоит перечислять весь список. Я достаточно повидал, на что идут люди ради лёгких денег – забывая, что таких не бывает.

— Всё зависит от интересов. Например, тебе не нравится математика, а представь, что твоя работа на 90% будет состоять из расчётов. Для тебя это станет плохой работой, потому что она тебе не понравится.

Я надеялся, что он уже достаточно взрослый, чтобы понять, что я хочу до него донести. Следовать примеру моего отца я не хотел и твёрдо решил прислушиваться к желаниям сына. Я всегда буду его поддерживать. Когда он захотел стать хоккеистом, несмотря на травмоопасность этого спорта, я почти сразу записал его в секцию без лишних вопросов. Он ребёнок, и пока ему всё интересно. Я хочу, чтобы, повзрослев, он чётко понимал, чего хочет на самом деле.

— А если я хочу быть как ты? — вдруг твёрдо заявил он.

Скользкая тема, которую я бы предпочёл не поднимать. Мишу завораживала моя работа — для него это выглядело как захватывающий боевик, где злодей обязательно будет пойман. Жаль, что реальность отличается настолько, что половина преступников так и остаётся безнаказанной.

— А как же звёздная карьера хоккеиста? — с наигранным удивлением спросил я, пытаясь сменить тему.

Миша тяжело вздохнул и сжал губы.

— Хоккей мне нравится, но ловить преступников — это круче! Не понимаю, почему мама так злится, когда я об этом говорю.

Ему уже двенадцать, но детская наивность пока не прошла. Некоторые в его возрасте уже становятся на скользкий путь, делая вещи, не свойственные детям.

— Слушай, дружок, давай пока сосредоточимся на хоккее, — я потрепал его по плечу. — Ловить преступников — это не весело и совсем не похоже на то, что показывают в кино.

Миша скривился и обиженно отстранился.

— Так и знал, что ты с мамой заодно, а я думал, мы с тобой друзья, — пробормотал он.

Мой телефон зазвонил, выводя на панель машины номер: "Неизвестный абонент". Это мог быть либо спам, либо... Мой желудок неприятно сжался при мысли о старом прия-

теле, с которым наши пути пересекались уже трижды.

— Не обижайся, Мишаня, конечно, мы друзья, — улыбнулся я, доставая телефон из кармана куртки и переводя звонок только на смартфон. — Мне надо ответить, это по работе.

Пальцы слегка дрогнули, когда я нажал на зелёную кнопку и поднёс телефон к уху.

— Тимур, — услышал я знакомый, чуть резковатый голос. Это был не спам.

— Слушаю.

— Мы можем встретиться?

На секунду я замолчал и сжал трубку, так, что побелели костяшки пальцев.

— Сегодня? — неуверенно спросил я.

— Если это возможно, то да, — всё с той же нейтральной интонацией продолжил голос в трубке.

Взгляд метнулся к Мише — он увлечённо смотрел что-то в телефоне, затем к часам. Сначала, я хотел предложить встретиться во время тренировки сына, но потом понял, что не стоит этого делать.

— Я буду свободен после восьми вечера, — на одном дыхании сказал я, ругая себя за то, что вообще соглашаюсь на эту встречу. Но азарт победил.

— Сколько тебе ехать до нашего места?

Задумавшись, я замолчал. Неприметный закрытый бар, в районе Филёвского парка. Основной контингент этого заве-

дения, люди, работающие в правоохранительных органах.

— Думаю, минут сорок. Может, и быстрее доберусь.

— Понял. Я буду не один, — внёс уточнение мой собеседник.

— Эм... Хорошо. Что-то случилось? — осторожно спросил я, хотя внутри уже разгоралось любопытство.

— До встречи, Тимур. — в трубке раздались короткие гудки.

Я медленно опустил телефон, глядя, как Миша с интересом наблюдает за мной. "Не лучшее время для разговора", — саркастически подумал я, натягивая улыбку.

Познакомились мы с Сергеем во время службы в армии. Потом наши пути пересеклись с ним в институте, а потом он исчез. Конечно всякое в жизни бывает, но уже работая в следственном комитете я так и не нашёл о нем никаких сведений. Это было странно, но я решил, что если он захочет встретится, то сам позвонит. И вот когда я уже и забыл о нём, наши пути вновь пересеклись. Моё последнее дело перед увольнением. Расследование к которому привлекли федеральную службу из-за большого количества жертв. Это не было ОПГ или терроризмом, скорее сатанинский обряд с жертвоприношением. И чем дольше шло расследование, тем больше становилось непоняток и недосказанности. Потом и вовсе всех отстранили и полностью передали в юрисдикцию ФСБ. Сверху пришёл приказ исключить это дело из списка расследований, рапорты не писать и делать вид будто не бы-

ло ничего. Я не особо удивился такому исходу, да и заявление на отставку уже лежало в моём ящике, поэтому махнул рукой. Только вот Сергей не махнул рукой на моё участие. Я и ещё один мой близкий коллега продолжили работать с ними в команде вне официальных допусков. Какая же там происходила чертовщина, даже и объяснить то сложно. То что там было... человеком точно не являлось... Хочется забыть это всё, но как бы я не старался не выходит. По итогу этого дела: мой коллега — погиб, человек из команды Сергея — погиб и ещё десяток невинных людей с которых и началось это расследование. После всего, мне предложили работу в их подразделении, сказали, что всё объяснят, но тогда о свободе придётся забыть. Я должен буду подписать бумаги с грифом особой секретности. Ей богу, люди в чёрном, недоделанные. Естественно, я отказался и от предложения, и от следственного комитета. Достаточно с меня пол головы седых волос в мои то сорок лет. Лучше я буду искать шпицев и пьяных подростков и воспитывать сына. Пусть и не в самом лучшем мире, но бросать его я не собираюсь ни за какую правду, которая мне даже и не нужна.

Время тянулось очень медленно, все мои мысли крутились вокруг этого звонка. Каких только вариантов я не перебрал у себя в голове, от самых ужасных до самых глупых по типу обычной встречи в баре. Всё это время я ругал себя, что вот так побежал к нему по первому звонку, забыв обо всём.

После тренировки, мы заехали с Мишей в “Мак” и поели в

машине по пути домой. Как только мой сын скрылся за дверями подъезда, я поехал на встречу со своим давним знакомым.

Я быстро нашёл глазами Сергея, рядом с ним сидела женщина, на первый взгляд лет пятидесяти, может чуть больше. Хорошо выглядела, но как бы она не старалась держать спину прямо, по ней было видно что у неё случилось в жизни нечто не хорошее. Глаза опухшие, руки нервно сминают салфетку, которая уже истёрлась. Что же касается моего давнего приятеля он держался отстранённо и не выказывал никаких особых эмоций. Почти не изменился за четыре года. Армейская короткая стрижка, широкие плечи, прямая спина. Правда вот взгляд стал более тяжёлым, но оно и понятно, если он постоянно видит то, что видел я в прошлый раз.

— Приветствую, — быстро сказал Сергей и мы обменялись рукопожатиями.

— Это Марго, Маргарита Литковски, — быстро исправился он и сел обратно.

— Можно просто Марго, — понуро сказала женщина.

Что ж, рад что у Сергея есть хоть какие-то знакомые помимо коллег из подразделения.

— Я знаю что ты занимаешься частными расследованиями. Как много дел у тебя сейчас в работе и можешь ли ты отодвинуть их? — сразу перешёл к делу Сергей и это немного ошарашило меня.

— Серёж, ну чего ты так сразу, — Маргарита положила

руку ему на плечо и тяжело вздохнула.

— У нас нет времени, — всё с той же твердостью проговорил он.

Мне всё сильнее не нравилась эта ситуация, но в тоже время распаляла азарт и интерес.

— Маргарита, всё хорошо, — мягко сказал я, а потом перевёл взгляд на Сергея. — У меня нет сейчас дел, собираюсь в отпуск.

— Хорошо. Тогда я прошу тебя отодвинуть отпуск и заняться делом о пропаже, — в его голосе я уловил еле заметную тревогу и даже злость.

Честно, было странно, что федеральный агент просит меня найти кого-то. Маргарита еле слышно всхлипнула, но потом сделала вдох и взяла себя в руки. Я уже начал понимать, что к чему. Так себя часто ведут родители чьи дети сбежали или пропали.

— Расскажите мне, кто пропал?

— Моя дочь, — последовал быстрый ответ.

— Ева, восемнадцать лет, приёмный ребенок, гражданка Германии, проживает в Берлине. Две недели назад уехала в гости к бабушке с дедушкой по отцовской линии в Санкт-Петербург. Несколько дней назад перестала выходить на связь, тогда же Марго выяснила, что гостила в Петербурге она всего три дня, потом деду и бабушке сказала что поедет к подруге в Москву. Подруга её даже не видела и не созванивалась с ней. Последний сигнал засекли в районе Петроградки. Я

не уверен что она там была, потому что до этого сигнал резко пропал больше чем на сутки, а потом снова появился, но причины могут быть разные.

Сергей говорил так, словно зачитывал рапорт, коих я написал миллион за свою работу. Но так даже было лучше, обычно убитые горем родители, не могут ничего полезного толком рассказать. Я понял почему Сергей не может заняться этим делом, Ева гражданка другой страны, а полиция скорее всего очень вяло расследует это дело. Мы потеряли несколько суток, а может и больше, раз такие непонятки с сим-картой.

— Вы были в хороших отношениях с ней? Она знает что приёмная? — спросил я рядовые, но важные вопросы. Много зависело от того в каких отношениях ребёнок находится с родителями.

— Ева. Она... — Маргарита вдруг посмотрела на Сергея, будь то спрашивала разрешения говорить.

Он ей кивнул и сжал её руку в знак поддержки. Судя по общению их связывают тёплые приятельские отношения, дружеские, а может даже родственные.

— Маргарита, вы можете говорить как есть. Я тут не для того чтобы осуждать вас или тем более вашу дочь. — спокойно сказал я.

— Она не знает, что приемная. Ева сложный подросток, всегда такой была, из дома часто убегала, но врала редко. Ну как все подростки, — нервно заговорила Маргарита уставив-

шись на стол перед собой, видимо собираясь с силами сказать что-то ещё.

— Год назад пропал без вести мой муж, Павел. Он... — она стиснула челюсти и тяжело сглотнула — Он журналист.

Она вдруг замолчала и посмотрела на меня. Ох, как хорошо я знал этот взгляд. Да на меня так же смотрела бывшая жена, когда дело касалось моей работы.

— Он политический журналист. Блогер. В 2000-х переехал на постоянное место жительства в Германию. Получил гражданство и продолжил карьеру в журналистике. Участвовал в одном громком деле и последние несколько лет был достаточно публичной личностью. Перед пропажей он вёл какое-то новое расследование, но информацией о нём не делился ни с кем. — снова говорил Сергей, видимо тоже понимая, что Марго не готова зачитывать какие-то регалии своего мужа.

— Он был кумиром для Евы. Но полиция так и не нашла его. Она была зла на всех за это. За то что плохо ищут его, — всхлипнув сказала Маргарита.

— Он тоже пропал здесь? — нахмурившись спросил я.

— Нет. Ну точнее... — она задумалась — Он ездил сюда, как по работе, так и навестить родителей. Перед исчезновением он летал в Россию, но я не знаю с какой целью. Мы с ним в последнее время были не в лучших отношениях. Матиас — наш старший сын, сказал, что Паша вернулся обратно в Германию, проходил таможеню и билеты свои на обратный

путь использовал, и по камерам Берлинского аэропорта видно как он выходил из здания и садился в такси. Только вот домой он так и не приехал.

Тут Маргарита сдалась и начала тихо плакать мотая головой. Даже не представляю, что испытывает эта женщина сейчас. Сначала муж пропал при невыясненных обстоятельствах, теперь ещё и дочь исчезла и точно так же нет никакой ясности где они и живы ли. Сергей аккуратно приобнял плачущую Маргариту.

— Я дам тебе всю информацию, а также то, что сам успел разузнать. Но я думаю что ты уже понял, этим делом я заняться не могу по ряду причин не зависящих от моего желания. Как ты работаешь я знаю. Лучше и дотошнее тебя людей я не встречал. Поэтому прошу заняться этим делом как можно скорее.

Сергей достал из кармана сложенную бумажку и протянул мне.

— Это мой личный номер телефона. Если что-то потребуется, позвони, подожди один гудок и сбрось. Я перезвоню как смогу.

Я взял бумажку и уставился на неё. Меня начало одолевать неприятное тяготящее предчувствие. Это явно не тот стандартный запрос, что я обычно получал за последние четыре года работы. Мне не нравилось в этой истории всё от начала и до конца. Тот факт, что об этом просит Сергей, уже говорит о многом. По-хорошему ещё на моменте телефон-

ного разговора надо было ему отказать. Я дурак, что тут ещё сказать, теперь отказываться поздно, наверно. И могу ли я вообще это сделать? Он ведь при желании и заставить меня может, больших усилий ему прикладывать не нужно.

— Тимур, — утирая слезы салфеткой, обратилась ко мне Маргарита, видимо уловив мои сомнения. — Прошу вас. Мне больше не от кого ждать помощи. Я заплачу вам столько, сколько скажете! Прошу.

Только сейчас я вспомнил, что теперь работаю за деньги и чем сложнее на мой взгляд расследование тем больше я прошу денег. Но с этим делом я затрудняюсь назвать сумму. Слишком уж сильно несёт от этого всего неприятностями и очередной сединой в волосах. В прошлый то раз, я не знал, на что подписываюсь. А что теперь? Я тоже по сути, не знаю, во что меня втягивает этот человек. Он ведь много чего не договаривает, я это чувствую всё своим нутром.

Маргарита начала судорожно рыться в сумке, не переставая плакать и всхлипывать. На стол шлепнулся толстый помятый конверт. Деньги – понял сразу я.

— Пожалуйста, не отказывайтесь, Тимур. Я дам в два раза больше, в три... Хотите, я буду платить только в евро... в долларах... в чём пожелаете...

Я откашлялся и отодвинул конверт от себя, а потом сложил руки на стол. Почему все думают, что деньги – это всемогущая вещь? Естественно, они решают почти девяносто процентов твоих проблем, но есть то, что купить нельзя ни

за какие деньги.

— Маргарита, послушайте меня. Даже если я за это возьмусь, вы должны понимать, что никакие деньги не повлияют, на исход, — я вдруг понял, что мне трудно ей сказать, что могу вообще не найти её дочь. Либо найти то, что укажет на вещи, которые ни один родитель не хотел бы слышать в своей жизни.

То что я говорил, не было отказом браться за это. Не смотря на мой протестующий внутренний голос и нехорошее предчувствие, я не могу, смотря в глаза этой женщины сказать, что даже не попытаюсь найти её дочь. Ведь наши семьи с ней чем то похожи. Только вот мой сын пока что не перешёл ещё в категорию проблемных подростков, но чувствую скоро это случится. Мне даже страшно представить, что бы со мной случилось выкинь он нечто подобное. И самое страшное, я ведь отлично понимаю почему их дочь сделала из отца кумира и слепо следовала его примеру. Он наверняка, когда она была помладше рассказывал нечто интригующее и захватывающее из своей работы. Сделал так, что ребёнок невольно романтизировал работу папы, отмечая всё остальное. Я делаю со своим сыном тоже самое. Для него я герой, но по факту мы с этим Литковски просто два мудака которые зачем-то завели семьи и пытались усидеть на двух стульях сразу. Только вот он, заплатил цену куда выше, не остановившись вовремя. Может и мне стоит остановиться?

Маргарита вдруг, что-то зло зашипела и, кажется, это бы-

ли какие-то ругательства на немецком.

— Простите, — тихо сказала она и свесила голову. — Это всё он виноват! Всю жизнь я терпела это, моталась с ним с места на места, потому что ему не терпелось... Правды всё искал... — она сжала руку в кулак и грустно усмехнулась.

— Дура я, надо было оставаться тут, а не лететь с ним. Тогда ведь ещё было понятно что он не остановится. Собирал тут митинги против власти ещё с одним таким же инициативным, а в итоге что? Одного убили, а мы бежали отсюда так что пятки сверкали. А я могла не бежать, глупая была... — бормотала себе под нос Маргарита.

— Маргарита, посмотрите на меня, успокойтесь, — я посмотрел ей в глаза. — Я сделаю, что смогу. Завтра утром мы встретимся и вы мне более подробно расскажете о Еве. О её привычках, увлечениях, каких-то особенностях поведения, пусть даже негативных, для меня это важно знать. Утаивать не стоит ничего, я сижу тут не для того чтобы судить правильно ли её воспитывали или нет. Договорились?

В её опухших красных глазах я видел бездонную пропасть отчаяния и безысходности. Много раз за свою карьеру я видел это взгляд, хуже выглядит только тот кто уже всё потерял. Она медленно закивала, вытирая слезы. Сергей её тепло приобнял и погладил по спине, пытаясь хоть как-то успокоить, а потом посмотрел на меня и вздохнул.

Обменявшись телефонами с Маргаритой, мы покинули бар. Я сел в машину и сжал руль. Возможно, совершаю ошибку.

ку снова ввязываясь в мутные дела, но всё время пока я сидел на против несчастной женщины перед моими глазами стоял образ моей бывшей жены. Я представлял, что если бы она вот так кого-то умоляла о помощи. Наш с ней развод — это пожалуй, самое верное решение.

Дверь с пассажирской стороны открылась и на сидение сел Сергей с чёрной папкой в руках. Ничего не говоря, он просунул её между пассажирским сидением и подлокотником, а потом тот же белый конверт лёг на мою приборную панель. Мы посмотрели друг на друга. Взяв конверт с приборной панели, я открыл и посмотрел на две пачки евро. Много. Очень много для простого поиска загулявшего подростка.

— Ты же понимаешь, что когда вот так... — я многозначительно на него посмотрел, а потом перевёл взгляд на конверт. — Сергей, куда ты меня опять втягиваешь? Мне ещё есть что терять и тебе это известно.

Он тяжело вздохнул и устало потер лоб на котором залегли глубокие морщины.

— Я знаю. Но в данной ситуации, ты единственный кому я могу доверить это. Я знаю, что тебе нет равных в слежке, знаю твои игры с перевоплощениями. То место где я работаю, в него не зовут кого попало. Ты же знаешь, в случай чего я обеспечу твоей семье самую высокую безопасность.

Вот и то, чего я меньше всего хотел слышать. В прошлый раз, когда запахло жареным, было всё тоже самое. Только тогда Арину и Мишу пришлось увезти очень далеко от Моск-

вы, чуть ли не на другой конец России, после этого у нас был суд, она подала очередной иск на полный запрет встреч с сыном.

— Если их опять придётся везти к чёрту на рога, то она лишит меня каких-либо прав на ребенка. Я не готов пойти на такое, как бы сильно мне не хотелось помочь вам, — угроженно сказал я уставившись в лобовое стекло.

— Не надо их никуда везти, они даже ничего не узнают. От тебя требуется только идти по следу Евы. Твоя задача не светить нигде своим настоящим лицом, я знаю тебе это сделать не сложно. Если ты выйдешь на кого-то причастного к её исчезновению, то сразу дай мне знать. Дальше я продолжу сам.

Мы молчали с ним достаточно долго, чтобы это стало давить и угнетать. У меня к нему была тысяча вопросов, но я знал что он не ответит на них, не может. Но кое-что я мог у него спросить и хотел услышать ответ не взирая на их правила и секретности.

— Какую роль ты играешь в этом деле? Что тебя то с ними связывает, Сергей? Понять не могу, как бы не старался, — нарушил я гнетущую тишину. — за полдела столько не платят.

Снова повисло молчание, Сергей отвернулся к окну. Видимо думал и взвешивал, что может сказать, а что нет. Кажется, мне действительно стоит отказаться от этого всего, отдать папку, конверт и его личный номер и больше никогда

не брать трубки с неопределённых номеров. Его плечи вдруг поникли, сам он сгорбился и качнув головой повернулся ко мне.

— Мы с Марго из одного детского дома. Она была одной из воспитательниц и не дала мне умереть, очень многое сделала для этого. Я ей обязан жизнью. Как сестра она мне старшая, хоть и нет родства между нами. Наши пути разошлись, когда повзрослели. Но несмотря на то, где я работаю, а она живёт в другой стране, мы поддерживаем общение, — он снова замолчал, было видно, что он не привык с кем-то делиться своим прошлым. — Я тебе не сказал, что это личное дело, у меня нет никакого официального права заниматься им и тем более привлекать кого-то. У меня никогда не было семьи, только Марго. К сожалению, в сложившейся ситуации я могу обратиться за помощью только к тебе. Просто никуда не вмешивайся и собери для меня информацию, большего я от тебя не требую.

Сергей вышел из машины и уехал, бросив напоследок, что если я всё-таки берусь за дело, то позвонить ему один раз и сбросить, если нет, то просто уничтожить бумажку с его номером и продолжить жить дальше. Чёрную папку и конверт он оставил. Я прекрасно понимал, что эта папка для меня словно ящик пандоры. Если я открою её, то уже не смогу отказаться и не потому что увижу там что-то секретное, нет. Дело во мне. Не смотря на все мои моральные дилеммы, попутно в голове уже выстраивался план того, с чего я начну

поиски, какие личности буду использовать для тех или иных мест которые посещала Ева, представил как я поеду по её маршруту...

— Чёрт! — Выругался я и сжал руль, пристально смотря на папку. Да я точно такой же человек как этот Павел, надо бы остановится, но уже не могу. Меня ведь даже не интересуют деньги, у меня они есть, ровно столько чтобы не отказывать ни в чем сыну и более-менее комфортно жить. Я положил голову на руль.

— Тимур, ну вот какого черта? Иди ищи пушистых собачек, чё ты лезешь? Два человека приехали в этот город и по очереди исчезли без следа. Ну понятно же, что от этого дела несёт дерьмом за версту. Разве грабли в прошлый раз недостаточно сильно ударили? — бубнил я сам себе

Я знал, что седину можно закрасить, сменить прическу, цвет волос и стиль одежды. Да, конечно, за подростка я уже не сойду, но гримом можно скостить себе лет десять пятнадцать. Я отпрянул от руля, зачем я об этом думаю? Неужели настолько я непробиваемый идиот, что полезу в это?

Глава 4

Мюнхен. Германия.

Катарина Кёллерман.

Меня выворачивало наизнанку около пяти минут. Когда спазмы и боль утихли, я обессилено упала на мраморный пол ванной комнаты.

Ненавижу эти таблетки.

Ненавижу эту жизнь.

Ненавижу эту семью.

Холод камня приятно остужал кожу, вставать не хотелось, но мне нужно спускаться вниз, к гостям. Сделав вдох, я перекатилась на бок и поднялась на ноги. Голова сильно кружилась, и чтобы снова не упасть, упёрлась руками о массивную столешницу. Включила ледяную воду, взяла полотенце, намочила его, а потом аккуратно протёрла лицо и шею. Стало немного легче, но надо принять очередную горсть таблеток чтобы моё тело хоть как-то функционировало. Проще конечно было просто умереть: пуля в висок или яд и конец мучениям, но пока я не доделаю то, что задумала, буду поддерживать жизнь в этом уже можно сказать мёртвом, изъеденном метастазами, телем. Я набрала воды из-под крана и запила горсть таблеток. Благо у моей семьи достаточно ресурсов штамповать лично для меня сильнодействующие препараты замедляя распространение раковых опухолей. При дру-

гих обстоятельствах я бы ни за что не принимала таблетки, которые, прежде чем попасть ко мне, тестируют на людях, которые даже не всегда знают на что подписываются.

Я выпрямилась и посмотрела на своё отражение в огромном зеркале: генетический урод с альбинизмом. Блёклые тёмно-голубые глаза, тонкая серая болезненная кожа с просвечивающей сеткой вен, противно торчащие кости ключиц, рёбер, плечей и парик, а точнее система волос намертво приклеенная к голове из светлых почти белых волос, какие были у меня раньше. Рак активно съедающий меня, не стал для меня новостью. Свою судьбу я знаю и приняла её давно, но вот кто бы мог подумать что именно этот диагноз заставит меня наконец действовать.

Улыбнувшись своему отражению я быстро поправила макияж, причёску, надела обратно на плечи платье которое сняла до бёдер перед тем как мои внутренности начало выворачивать наизнанку. Ещё раз оглядела себя и нацепила свою привычную надменную маску под стать всем остальным. Хотелось бы посмотреть как слетят все эти маски, когда узнают, что я приготовила для них. Три последних года я потратила на то, чтобы собрать всю грязь которую только смогла отыскать, на свою семью. Вначале я хотела ограничиться финансовой стороной вопроса и показать всему миру как богачи распоряжаются своими миллиардами и куда они уходят. Потом подумала, а почему бы не рассказать всем, чем занимаются на фармацевтических заводах моей семьи, которые

раскиданы по всему миру. С этого момента история начала обретать более серьёзный смысл, и вскрыла нечто страшное и странное.

Фамильное поместье нашей семьи, как всегда, сверкало неестественным блеском – словно гигантский алмаз, вставленный в оправу из чёрного мрамора. Высоченные потолки, украшенные фресками в духе рококо, золотая лепнина, отражающая свет хрустальных люстр, тяжёлые портьеры из шёлка, скрывающие потаённые уголки, где гости обменивались фальшивыми любезностями. Паркет, отполированный до зеркального блеска звенел под каблуками, а в воздухе витал густой коктейль запахов из дорогих духов и шампанского. Из соседнего зала доносилась классическая музыка, смешиваясь с общим гомоном разговаривающих между собой гостей.

Бесконечные беседы ни о чем очень утомляли. Ежегодное мероприятие, устроенное моей семьёй являло собой шоу уродов одетых в тряпки стоящие миллионы евро и рассуждающие о благотворительных компаниях, которые хотят поддерживать. Лжецы и лицемеры! Ну ничего, скоро начнём веселиться по-настоящему. Опрокинув в себя ещё один бокал шампанского, я положила руки на массивные каменные перила и посмотрела на толпу внизу. Больше остальных, ненависть во мне вызывали двое: Уве Кёллерман – мой дедушка и Альберт, чью настоящую фамилию почти никто не знал. Эти два старых ублюдка сломали не только мою жизнь. Пер-

вому давно уже полагается в гробу лежать, а он всё никак не подохнет. А вот второй... Ему бы стоило помочь с билетом на тот свет, но сукин сын сделал себя практически недостижимым. Я была искренне удивлена, что тот журналист полетел в Россию. Он спросил меня: знаю ли я кем приходится Альберту человек по имени Виктор Лаубе. Понятия не имею, как он вышел на Виктора, если даже Интерпол делает вид, что всё в порядке, и ФБР и секретная служба и МИБ вместе взятые. Неужели нельзя скооперироваться? Такие как Альберт не должны жить среди нормальных людей. Он – воплощение тьмы.

Я уже хотела уйти с балкона второго яруса и спуститься вниз продолжая участвовать в этом шоу моральных уродов, но увидела его. Виктор отрешённо стоял поодаль всех и пристально смотрел на меня. Я не знаю, что они с ним сделали тринадцать лет назад, но ненавидит он почему-то меня. Сколько бы я раз не пыталась с ним заговорить, в ответ получала лишь оскорбления, один раз он меня даже сильно толкнул. Мне горько смотреть на то, что из него сделал этот больной садист, но я до сих пор верю, что где-то там остался ещё тот Виктор, которого я когда-то знала. Тот который способен на сопереживания. Жаль, что эта надежда с каждым разом становится всё крошечнее. Если кто и может убрать Альберта, то только он. Проблема в том, что вместо того, чтобы что-то делать, он послушно терпит всё. Виктор никогда не рассказывал, что вытворяет с ним отец, но я понимала всё без

слов, достаточно было заглянуть в его глаза. С каждым годом они становились всё более безжизненными. Тогда я была уверена, что он ненавидит свою семью точно также как и я свою.

Он отвёл взгляд и направился в сторону своего отца, а я поспешила уйти с балкона. Оставалось лишь гадать, как много рассказал Альберту журналист. Но раз я стою тут и всё ещё жива, то пока что ничего не ведёт ко мне. Либо недостаточно доказательств для того, чтобы этот садюга получил одобрение на допрос от моего деда. В кое-то веки их глупые правила о неприкосновенности своих играют мне на руку. Благо журналист не видел моего лица, мы общались инкогнито, но зато видел агент Интерпола, с ним работать проще, он аккуратнее и осмотрительнее обычного журналиста, но если попадётся, то скорее всего попадусь и я.

Я прошла через толпу попутно обмениваясь с ними любезностями, фальшивыми улыбками и комплиментами. Хватит с меня, пора ехать домой.

— Фрау Кёллерман, — дорогу мне преградил Альберт.

Его фальшивая, дружелюбная улыбка отдавала смертью и ужасом. Психопат. Он протянул мне бокал. Пришлось выдавить улыбку. Почему самым ужасным людям достаётся самая привлекательная внешность, не знаю сколько ему лет, но выглядел он отлично.

— Прекрасно сегодня выглядите, — с нескрываемым сарказмом сказал он по-русски усмехнувшись и отпил из своего

бокала.

Либо он в курсе моей болезни, либо понимает что со мной что-то не так. В любом случае это не важно, так как ни одна живая душа не в курсе насколько плохо моё положение дел. Мой статус научного сотрудника в области химии и вирусологии дал возможность подделать справки и диагноз. Я сама изготавливаю себе лекарства и частично мешаю их с теми, что мне присылают из лаборатории. Мощный коктейль. Знаю, что вот вот начнут отказывать органы или случился откат и я умру очень быстро. Но мне надо протянуть, хотя бы несколько месяцев. Этого хватит, чтобы достать из лаборатории, то что попросил агент Интерпола и отдам ему, вместе с тем, что у меня есть. Хватит сразу на дюжину серьёзных официальных дел против моей семьи. На случай моей внезапной смерти рассылка отправится всем. Крупнейшие СМИ по всему миру увидят протоколы нелегальных испытаний на людях, увидят, что отправляют Красному Кресту вместо нормальных лекарств, увидят всю грязную бухгалтерию. Да, они откупятся, да замнут, но скандал поднимется не хилый. Не нужно недооценивать массы, они и бунты могут поднять и ещё много всего сделать. Я не уйду молча и покорно. Оставляю шлейф проблем в любом случае.

Собеседник стоящий напротив меня, слегка кашлянул привлекая моё внимание и вырывая из потока мыслей. Интересно зачем Альберт заговорил со мной на русском? Он знал, что когда-то давно я учила этот язык, из-за Виктора,

который был в восторге от брани на этом языке, каждые каникулы я слушала разнообразие русского мата, значение некоторых слов я и по сей день не понимаю. От этого воспоминания стало тепло и больно одновременно. Катарина, возьми себя в руки! Сейчас не самое подходящее время предаваться воспоминаниям.

— *Es tut mir leid, ich verstehe Sie nicht.**(Прошу прощения, я вас не понимаю) — ответила я ему на немецком, захлопав глазами.

— Милая, Катарина, бросьте, я знаю, что вы прекрасно понимаете меня, — лукаво ответил он и сощурил глаза.

Выдержав его взгляд, я пыталась понять знает ли он о моей маленькой игре или нет. Если Литковски убил он, то чего ждёт? Просто не может меня прижать так как нет прямой связи. Остается только гадать и надеяться, что журналист умер быстро и не страдал.

Я разжала руку и бокал полетел на пол со звоном разбившись на мельчайшие осколки. Похлопав глазами я сделала удивлённое лицо и отошла на шаг назад от Альберта. Тут же подбежал кто-то из обслуживающего персонала и некоторые гости. Нас окружило достаточно много людей.

— *Oh, entschuldigen Sie mich!*(Ой, прошу меня извинить!) — достаточно громко сказала я и изобразила раскаяние. — *Wie unvorsichtig von mir.* (Как неосторожно с моей стороны.)

Я развернулась, чтобы уйти, когда до меня долетели слова снова на русском.

— В следующий раз будьте аккуратнее, фрау Кёллерман,
— этого было достаточно, чтобы уловить интонацию в голосе.

От мягкого и приветливого тона не осталось и следа. Он даже не скрывал угрозы. Плохо. Не хотелось бы иметь такого человека у себя на хвосте, но это бы случилось рано или поздно, так что деваться некуда. Придётся воспользоваться его же советом. Надо предупредить агента, чтобы был ещё осторожнее.

Водитель довёз меня до дома моих родителей, последнее время я живу у них. Так безопаснее, а они пусть дальше думают что это на время моего якобы лечения и химиотерапии. В этом плане не должно вызывать вопросов насчёт того, что тридцатилетняя женщина, переехала обратно к людям, которых ненавидит. Они ведь тогда встали не на мою сторону, и не пискнули против слова Уве. Хотя о чём это я? Они же бояться его, точнее боятся лишиться всех благ и оказаться на улице с голой задницей. Никаких тебе личных самолётов, яхт и недвижимости по всему миру. Продажные скоты, как и все остальные.

Машина выехала на большую подъездную дорогу. Дом возвышался среди соснового леса, будто был продолжением природы окружавшей его. Родители не поскупились на стройку этого огромного дома. Фасады из натурального дерева и камня, панорамные окна, ухоженный сад и несколько террас с разных сторон дома. Раньше мне нравилась эта свет-

лая резиденция, особенно в летнее время, но всё это осталось в прошлом.

— Привет, ты уже дома? Тебе стало плохо? — озабоченно спросил голос матери.

— Да, — сухо ответила я и скинула с себя жакет, даже не утруждая вешать его куда-то.

Мать подошла ко мне, нежно обняла и погладила по голове, приговаривая о том, что всё будет нормально, что мы обязательно всё вылечим. Ну да, ну да, обязательно. Жду не дождусь когда все их счета заморозят. Никаких тебе выходных в Куршевеле или Нице, дорогая мамочка.

Отпрянув от неё я сделала мученическое лицо и чуть улыбнулась.

— Я пойду в комнату, клонит в сон.

— Хорошо милая, иди отдыхай, — она погладила меня по плечу.

Уже шагая к лестнице второго этажа, она снова окликнула меня.

— А где Михаэль? Я думала он привёз тебя, — мило про-чирикала она.

Михаэль – мой муж и прости господи мой родственник. Какая же всё-таки у меня омерзительная семья. Невольно тошнота подкатила к горлу, но уже не от таблеток и болезни. Выказала ли я недовольство когда меня подкладывали под него собственные родители? Нет, даже не сделала удивлённое лицо и мило улыбалась когда показывала помолвоч-

ное кольцо. Не сказала я ничего и когда собирали партии лекарств для Красного Креста которые отправились в страны третьего мира, для тестов конечно же. Не кривила лицом и тогда когда спала с мерзким мужиком ведущим личные финансы Уве. И ничего не испытала когда он вдруг случайно умер от “сердечного приступа”, наверное просто у него тяжёлая работа была.

— Он кажется в Осло, по работе. Не смог приехать. — грустно сказала я, словно мне действительно жаль и я очень расстроена.

Она в очередной раз сказала что-то подбадривающее, но я уже не слушала эту чушь и поднималась в свою комнату. Рак избавил меня от общества муженька, под прикрытием плохого самочувствия перебралась в другую комнату. Прямо таки не смертельная болезнь, а подарок. Хотя он тоже не горел желанием проводить со мной ночи в одной постели и скорее всего надеялся, что рак победит меня и он освободится от бремени любящего мужа. Мерзость. Какая же всё это мерзость.

Быстро раздевшись, почти срывая с себя чертовски неудобное платье и отшвырнув туфли в сторону я без сил свалилась на кровать. Невыносимая усталость и боль разлилась по всему телу, сонная пелена почти мгновенно затянула меня погружая в приятное забытие.

* * *

Сильный озноб и ломота в костях заставили меня

проснутся около пяти утра. Можно считать, что полноценный сон, чаще у меня получается уснуть только на три-четыре часа, а тут целых шесть. Выпила очередную порцию таблеток, встала под душ. Тёплая вода приятно согревала и давала ложное чувство будто меня уже не трясёт от озноба. Сейчас подействуют таблетки и нужно будет обдумать, что мне делать с тем что... Свет в ванной комнате резко погас погружая меня в полный мрак. Сердце бешено заколотилось, а воздух в лёгких моментально закончился. Может я упала в обморок? Нет, я же соображаю что происходит вокруг. Чья-то рука сильно толкнула голову, впечатывая её в мраморную плитку душевой кабины. Резкая боль оглушила и из глаз брызнули слёзы. Рука вцепилась в волосы, вторая закрыла рот

— Идиотка, ты что творишь?! — грубо прошипел знакомый голос мне в ухо.

Стало ли мне менее страшно от того, что это был Виктор? Конечно нет, надежда на что-то человеческое в нём, теплилась, но судя по тому, что происходит сейчас, надежда испарялась.

— Страшно? А будет ещё страшнее! — злобно процедил он.

Я попыталась убрать его руку от лица, царапая кожу и сопротивляясь. Он грубо оттолкнул меня от себя, так что я полетела на пол. Глаза ещё не привыкли к темноте и я падала в слепую, разбив колени.

— Ты что ополоумел! — возмущённо вскрикнула я. — Убирайся к чертям отсюда! Сейчас придёт охрана!

— Никто не придёт. С одним твоя мамаша уехала развлекаться, а второй спит. А ты с такой божественной подготовкой можешь даже не начинать игру, ты уже проиграла! — всё с той же яростью в голосе сказал он.

Я была не готова к такой встрече, как и не готова к тому, что он будет таким грубым. И уж тем более не готова к тому, что он меня может избить. Осталась ли ещё надежда на него? Полагаю, что нет. Мне страшно, так сильно, что сказать я ничего не могу, двигаться тоже. Альберт не мог его вот так отправить сюда или мог... Неужели я умру именно от его руки? А ведь когда то... Он любил меня...

— Вставай! — рявкнул он и грубо поднял меня за руку сдавливая её до синяков.

Виктор толкнул меня обратно под струи тропического душа под потолком и развернул к себе лицом. В темноте и с разбитой головой я почти ничего не видела, но мне казалось что я могу разглядеть его силуэт. Высокий, широкоплечий, почти как и был тогда в нашу последнюю встречу... тогда между нами было совсем не то, что происходит сейчас.

— Зачем ты так со мной Вик?! — всхлипнула я, вжимаясь в стену душевой.

— Зачем?! Тебе жить надоело, Катарина? Ты не переигрываешь Альберта и просто сдохнешь, а он продолжит жить дальше как ни в чем не бывало.

До меня вдруг дошло, не Альберт его сюда отправил, он сам пришёл и никто не знает об этом. Я знаю, что ему нельзя подходить ко мне, но всё же он пришёл, хоть и вот так. Это придало мне уверенности и страх немного отступил.

— Зачем ты пришёл? — устало спросила я.

— Прекрати делать, то что затеяла. Ни один журналист ничего не добьётся и в первую очередь ты испортишь жизнь себе, Катарина. — его голос перестал быть таким яростным. — Не нужно тебе это всё, успокойся и живи дальше. Не связывайся с Альбертом, не марайся в этом дерьме.

— Почему ты стал таким!? — от обиды мой голос снова сорвался. — Зачем ты прогибаешься под него? Не становись таким же как твой отец!

Злость так затмила меня, что я со всей силы толкнула его в грудь, а потом хотела отвесить пощечину, но он тут же схватил мою руку за запястье и глухо усмехнулся.

— Не надо. Уже слишком поздно об этом говорить, у меня только один путь. А вот ты прекрати ломать свою жизнь. И чужие тоже.

Резко отпрянув от него я поскользнулась и чуть не упала, но он подхватил меня и прижал к себе. Его тело было неестественно горячим, а ещё мне показалось, что от него пахло горелой пластмассой или чем то похожим на это. Эти секундные объятия выбили меня из равновесия. Хотелось забыть всё то плохое, что с нами случилось и прижаться к нему ещё теснее, рассказать о том что осталось мне не так долго. Не

в силах удержаться я обвила руками его тело и прижалась к груди, слушая как колотится его сердце.

— Прекрати, — холодно сказал он и легко оттолкнул меня.

Его тон и отстранённость вернули мне самообладание. Вместе с ним накатила и волна злости к самой себе. Он меня только что избил, а я вешаюсь на него как дура! Стараясь отогнать непрошеные слезы, чтобы не выглядеть ещё более жалкой, я сжала с силой кулаки и попыталась сосредоточиться на том зачем он сюда пришел.

— Альберт знает? Это он, убил журналиста? — я попыталась вдохнуть и продолжить говорить, но лёгкие сковало.

— Не знаю, Катарина, и знать не хочу. Я в это лезть не собираюсь и тебе не дам. Поняла меня?

— Не тебе это решать! Не хочешь лезть, да пожалуйста! Иди дальше угождай своему папочке и больше не приближайся ко мне! — прошипела я, отходя дальше от него.

— Ты... — яростно сказал он, но почему-то резко осёкся. Мне показалось, что его чуть пошатнуло и он схватился за голову.

Кажется он выругался и его силуэт быстро исчез из поля моего зрения. Тихо хлопнула дверь. Не успела я выйти из душевой, как меня ослепил резко включившийся свет. Съежившись всем телом я закрыла лицо ладонями и не удержавшись на ногах осела на мягкий ковёр. Меня трясло, к горлу подкатил тошнотворный ком. Было очень страшно и больно.

Все эти годы я надеялась и верила, что он только притворяется, как и я, но он не притворялся. Он действительно стал тем, что из него так старательно лепили. Я не понимаю, за что с нами так тогда обошлись, за что наказали? Мы оба из очень богатых семей, наши семьи дружат, точнее дружили. Почему просто нельзя было оставить нас троих в покое.

Так и прорыдала около получаса лежа на полу, а затем собрав в кучу то, что от меня осталось, встала и уничтожила в памяти и его и наше общее прошлое. Ничто и никто не помешает мне совершить то, что я задумала.

Глава 5

Москва. Россия.

Виктор.

Мой кулак прошелся по лицу главного врача, ломая парочку зубов. Он упал на пол закрываясь руками и трясаясь от страха.

— Остановитесь! У вас... у вас ничего нет на руке! — взрослый, представительный мужчина, визжал как девчонка.

Доктор Айболит, который лечил всю нашу семью, утверждал что с моей рукой всё в порядке. Но я знаю что это не так. Дверь за спиной резко распахнулась, и в кабинет ввалились два охранника. Разделаться с ними мне не составит труда. Я уже был готов ввязаться с ними в драку, но врач их остановил.

— Не надо! У нас всё... всё под контролем, — поднимаясь на ноги чуть пошатываясь сказал он, приложив руку к лицу.

Охранники пристально посмотрели на меня, а потом на врача. Последний решительно указал на выход и немного помывшись они ушли за дверь.

— Виктор, сядьте пожалуйста, — морщась от боли сказал врач указывая на кресло. — Сейчас я ещё раз проверю все анализы и осмотрую вашу руку.

Так паршиво как сейчас мне не было давно. Я не понимаю, что со мной происходит, но если так продолжится, то

билет на кладбище мне точно обеспечен. На пятую бессонную ночь, я потерял ощущение границы между реальностью и галлюцинациями.

— У вас нет заражения крови, как и других болезней. Вы полностью здоровы, Виктор. — врач быстро взял контроль над ситуацией в свои руки. Внимательно посмотрел в глаза — Как давно вы не спали?

— Не важно, — хрипло сказал я и протянул ему руку задирая рукав кожаной куртки. — Разберитесь лучше, что у меня с рукой! — зло прошипел я.

Не отрываясь я смотрел на свою руку, которую явно стоит ампутировать. Место укуса почернело, а кожа вокруг него приобрела тёмно-бордовый оттенок. Вены, что расползались в разные стороны от места укуса, тоже почернели. Рука болела, но к моему удивлению полностью функционировала. Врач вновь внимательно её осмотрел, надавил в разных местах попутно спрашивая больно или нет. Меня почему то ставил в тупик это вопрос. Он тыкал мне прямо в почерневший укус, но это было не больно, точнее не так больно как должно быть. И в этом то и была самая необъяснимая вещь. Либо я не должен ничего чувствовать, так как с виду почерневшая кожа должна быть уже мертва, либо же испытывать адскую боль от того, что он прямо сейчас копошится своими пальцами прямо в ране.

Тяжело вздохнув человек в белом халате чуть отошёл от меня.

— Послушайте Виктор, визуально у вас на руке ничего нет, кроме небольшого синяка и мелких рубцов от зубов. Кости целые, разрывов мышц тоже не наблюдается. Ваши анализы в порядке, за исключением высокого содержания бензоилметилэкгонина в крови. Вам стоит прекратить их принимать и просто выспаться. — доктор сделал шаг назад и опасливо проговорил, — Смею предположить, что вам нужен доктор иного профиля.

Может просто достать пистолет и прострелить ему голову? Это меня не вылечит и добавит забот по избавлению от трупа. Плюс ко всему, не хотелось бы, чтобы и этот Айболит приходил ко мне во сне, как все остальные. Это будет выше моих сил. На край стола легла визитка.

— Возьмите. Я предупрежу врача что вы особый пациент. Ему можете рассказать всё. И настоятельно рекомендую поспать.

Я резко встал с кресла потянувшись к пистолету под курткой. Особый пациент, что за дерьмовая формулировка, будь то я псих какой-то отсталый! Доктор испуганно отшатнулся.

— Успокойтесь, прошу! Возьмите визитку, вам поможет этот специалист, — трясясь от страха говорил он, отходя дальше от меня.

Сжав челюсти я сделал усилие над собой и схватил визитку, а потом вылетел из кабинета, расталкивая двух охранников на своём пути.

Что за херня со мной происходит? Я видел много ужас-

ного в своей жизни, но никогда подобного не происходило. Да, мне часто снились кошмары, но что бы галлюцинации...ещё и такие реалистичные...что лучше уж и вовсе не спать. В связи с этим, возникает вопрос: как долго я ещё смогу продержаться не засыпая? Мне ведь помимо проекта на Архипелаге, надо прибрать за взбрыкнувшей Катариной. Не знаю, понял что-то Альберт или нет, но про Дахау он кажется не знал. Оригиналлов документов там не было, зато нашёлся ключ от какой-то ячейки хранения. Уверен, там лежит этот чёртов блокнот и оригиналы документов. Надо первым до него добраться и уничтожить.

Уже сидя в своей машине на парковке, я нашарил в подлокотнике пустой пакетик из-под белого порошка. Чёрт! Надо ещё, иначе я отрублюсь и снова придут они. Кинув его обратно в подлокотник, я нервно прикурил сигарету и закашлялся от отвращения. Ненавижу запах и вкус сигарет, но омерзительнее их только трупный запах, который преследует меня везде.

— Бедняжка, совсем умаялся. Тебе надо просто закрыть глаза. Они уже соскучились по тебе. — раздался мерзкий насмешливый голос рядом со мной.

Не хочу поворачиваться и смотреть. Я знаю, что она сидит рядом на пассажирском сиденье. Худшее, что могло случиться, это таскающийся за мной повсюду труп рыжей девки. Она не оставляет меня в покое даже когда я бодрствую.

— Пошла ты, мертвячка, — прошипел я сдвигая руль

со всей силы.

— *Только вместе с тобой, — ехидно хихикнула она.*

И что я должен делать? Это шиза так проявляется или какое-то другое заболевание? Что бы я не закинул в себя, начиная от сильнодействующих препаратов для шизофреников, заканчивая наркотиками – чёртова девка не исчезает. Хорошо если бы она молча таскалась за мной, но ведь нет. Она говорит. Постоянно.

— *Почему ты всё время бьёшь тех кто слабее тебя? У тебя, что какой-то комплекс неполноценности? Ты так самоутверждаешься?*

— Отвали! Что ты вообще привязалась ко мне?! — зло сказал я, заводя мотор и резко трогаясь с места.

— *Серьёзно? Ты же убил меня! А перед этим пытал! Психопат грёбаный!*

— Пфф, — я закатил глаза. — Пытал? Да я даже и не начинал, считай ты легко отделалась.

— *Ты затолкал мне иголки под ногти! Урод! — её бескровный палец уставился прямо в меня. Не будь она моей галлюцинацией, наверняка в глаз бы ткнула.*

— Всего две, — пожал я плечами.

— *Всего?! — мой бред задохнулся от возмущения. — Да ты хоть представляешь как это больно?!*

Я тяжело вздохнул и остановившись на светофоре, повернулся к своей мёртвой собеседнице лицом. Выглядит точно также как в подвале дома лесника. Полностью обнажённая,

бледная сине-серая кожа с кроваво-красными следами от верёвок, потухший мёртвый взгляд и влажные, растрёпанные огненно-рыжие волосы.

— Да, представляю, мертвячка, — тихо ответил я и зло уставился в её блёклые глаза.

Как мой мозг мог выкинуть такое дерьмо? Уму непостижимо. Зачем она задаёт такие вопросы? Она ведь плод моей фантазии. Или это такой отдельный вид пытки самим над собой? Моё воспалённое сознание действительно сейчас хочет вспомнить, как это? Когда пихают под ноготь, не маленькую тонкую булавку, а нечто похуже, побольше и потолще, лезвие ножа, например.

Странно, в этот раз она замолчала и больше ничего не говорила до самого дома. Может ждёт, что я усну? Но я уже купил себе новый пакетик с допингом. Только вот чего я этим добьюсь? Так и до передоза недалеко. Мне надо придумать как уснуть, но не видеть трупов которых рыжая приводит ко мне. Один раз я уже закинул в себя снотворное и это была самая большая ошибка, я думал ночь не прекратится никогда.

Чем дальше я отъезжал от центральных районов Москвы, тем менее плотным становился поток машин, красивые улицы сменились безликими серыми панельками по обе стороны от дороги, а потом и вовсе остались только голые деревья и поля. До дома оставалось совсем немного. Музыка оглушительно орала из динамиков стереосистемы в машине, не

давая моим глазам закрываться раньше времени.

Трясаясь от холода, после ледяного душа, я посмотрел на себя в зеркало. Капилляры в глазах полопались, а под ними залегли тёмные мешки. Может позвонить тому врачу? Но, тогда Альберт узнает, что у меня поехала крыша и ничем хорошим это не закончится. Он запрёт меня в какой-нибудь грязной лечебнице, а этого сейчас нельзя допустить. Я ещё не уничтожил всё, что может привести к Катарине. Зачем она вообще это затеяла? Неужели ненависть к семье пересилила страх перед последствиями. Возможно, её кто-то заставляет это всё делать? Я устало свесил голову опираясь о края раковины руками. На одну короткую секунду мне показалось, что я провалился в сон. Мою талию обхватили ледяные руки, а к спине прижалось мёртвое тело.

Нет!

Проснись!

Резко отпрянув от раковины и поскользнувшись на мокрой плитке, я приземлился на пятую точку.

— Твою ж... — громко выругался я, но остался сидеть на полу.

Громкий и звонкий смех отражался от стен просторной ванной комнаты. Мёртвое тело сидело на столешнице рядом с раковиной и болтало ногами.

— *А я хотела пожелать тебе приятных снов, — смеясь сказала она — как ты мне когда-то...*

Я обессиленно лёг на холодный пол и посмотрел в пото-

лок. Кажется, я уже готов сдаться. Пусть мертвецы приходят и делают что хотят, но так я хотя бы физически отдохну. Пару часов в их обществе я, наверное, вытерплю. Пару часов... Ну да, конечно... Кого ты обманываешь, Виктор? То, что они делают, это ни с чем не сравнимо. Таких ярких и реалистичных снов у меня никогда не было!

— Что ты хочешь от меня? — полусонным голосом спросил я.

Мне вдруг подумалось, что если эта мертвячка что-то наподобие моей совести? Правда, как-то припозднилась она. Да и почему именно в таком виде? На кой чёрт я вообще связался с этой рыжей? Она лишь одна из многих кого я убил.

— *Почему ты весь в шрамах?*

Я открыл глаза и понял, что уснул. Я находился в прогнившем подвале домика лесничего, за пределами которого слышались, пока что, далёкие и тихие завывания мертвецов. Надо мной нависла рыжая и пристально разглядывала меня. Я отметил, что в голосе не слышалось издевательской и надменной интонации к которой я привык.

— Что за дебилские вопросы? Давай уже, води своих мертвяков сюда пусть наслаждаются.

Глубоко вдохнув гнилостный отвратительный воздух, я попытался унять дрожь внутри себя и морально подготовиться к тому, что сейчас произойдет. Крики усиливались, а истертая плёнка на полу начала громко шуршать под их ногами.

— *Ты заслуживаешь этого,* — *прошипела она, но в её го-*

лосе промелькнула неуверенность в собственных словах.

— Заканчивай трепаться, трупчина. Быстрее начнём — быстрее закончим.

Руки уже тянулись ко мне, царапая и сдирая кожу. Чьи-то зубы вцепились мне в ногу, вырывая кусок мяса, кто-то ломал мне кости, холодные лезвия резали плоть. Это только начало. Потом когда они разорвут меня полностью, всё повторится по новой.

— *Хватит!* — *прогремел оглушительный голос.*

Резко всё прекратилось, меня сотрясала остаточная боль, а в горле булькала кровь, которой я давился.

— *Ты знаешь кто убил моего отца?* — *спросил её загробный голос.*

Откашлявшись, я постарался повернуться на бок.

— Ты что тупая? Я же сказал, знать его не знал и жил себе спокойно, — прохрипел я, всё ещё кашляя.

— *Какой же ты омерзительный человек!*

— Это всё? Или мне ещё и тут слушать твою бесполезную болтовню?

— *Я хочу чтобы ты нашёл того кто убил моего отца. И сделал то, что он не успел доделать.* — *твёрдо сказала она, возвышаясь надо мной.*

— Ага. Заняться мне больше нечем! Никого я искать не буду! И уж тем более что-то делать. Я уберу всех кто спутался с Катариной и на этом всё.

Эти слова я повторял себе как мантру. Я не буду вмеши-

ваться. Не буду... Не буду? Я врал сам себе. Я уже вмешался. Уже пришёл к Катарине, уже съездил в Дахау и сжёг половину жилого дома в котором находилась маленькая квартирка, чтобы никто больше не смог ничего там найти.

— *Я не дам тебе это сделать. Устрою тебе ад...*

Я перебил её громко рассмеявшись, сам не ожидая от себя такого заливистого и искреннего смеха.

— Идиотка, я и так живу в аду. Давай, води обратно мертвяков, пусть рвут. Помучаюсь ещё пару-тройку дней и подохну от остановки сердца или обезвоживания. Но мне хватит этого, чтобы найти ячейку и уничтожить все следы.

Безвольно упав на спину я стал ждать. Как же глупо всё это. Неужели я умру вот так? Сам загоню себя в могилу. Мёртвая девчонка – это же просто образ в моей голове. Тот самый голос, который я все эти годы так старательно заталкивал куда подальше. Молчал и улыбался ненормальным извращенцам в своём окружении, делал всё, что меня просят, а ведь они у меня отняли так много всего...

— *Зачем ты тогда бил ту девушку, Катарину, если не хочешь её смерти?* — вдруг спросила рыжая.

Я тяжело дышал и молчал. Зачем я её бил? Вообще-то не хотел, просто забыл какая она хилая и слабая. И ещё был зол, к тому же старался не спать и накачал себя препаратами, чтобы более менее сносно выглядеть на благотворительном приёме.

Я продолжал лежать и меня никто не трогал, никаких

мертвецов, никаких стонов и предсмертных криков, никакой боли. Только тишина и пустота вокруг, мои глаза моментально закрылись.

— *Приятных снов. Гавнюк...*

Это последнее, что я услышал прежде чем провалится в такое долгожданное забытие.

* * *

Так крепко и так сладко я не спал никогда. Плитка в ванной была лучше любого самого дорогого матраса и не нужна мне была ни подушка, ни одеяло. Проснулся от невыносимой жажды, такой что до боли пересохло во рту. Кости слегка ломило, но это всё мелочи, по сравнению с тем как хотелось пить.

С размаху ударив по крану я включил ледяную воду. Обычно я так не делаю, потому что вода из под крана не особенно пригодна к питью, но кого это заботило в данный момент? Напившись, я засунул голову под кран, намочил волосы и умыл лицо. Внешне я выглядел по-прежнему не важно, но зато наконец чувствовал себя нормально. Голова начала соображать.

— Фу, ну и дерьмо конечно, — сказал я своему отражению стирая ладонью воду с лица.

На одно маленькое мгновение я поверил, что мои галлюцинации прошли. Но увы. Рука по-прежнему выглядела как кусок гниющего мяса, а в воздухе витал трупный запах. Оглядевшись, я понял что рыжей нигде нет. Может, хотя бы

эта галлюцинация покинула меня после того как я поспал? Натянув на себя домашние штаны я вышел из ванной и направился на кухню. За окнами было темно, свет почти везде выключен, за исключением мягкой подсветки на кухне. Надо найти телефон и посмотреть сколько вообще времени и какой день недели сейчас. Такое чувство, что выпал я надолго. Быстро пройдя гостиную и схватив с обеденного стола пачку сигарет, я прикурил одну и поспешно вдохнул гадостный дым. Запах трупчины пропал.

Звук работающего чайника на мгновение внёс в атмосферу дома нечто уютное и живое. Немного повеселев достал из больших запасов корейскую лапшу быстрого приготовления. Азиатская еда мне нравилась, я даже умел самостоятельно готовить несколько блюд. Как же всё таки хорошо, когда отоспишься, даже жизнь кажется не такой поганой.

В гостиной вдруг загорелся свет. Кто-то включил торшер. Не раздумывая, я схватил нож стоявший в подставке и выкинул окурок в раковину. Атмосфера уюта исчезла без следа, напомнив мне кто я. Гостей не ждал, а уборка если бы и пришла то только утром. Медленно и осторожно прошёл к гостиной стараясь держаться самых тёмных частей небольшого коридора ведущего в комнату.

— Убери нож и иди сюда, — раздался ледяной голос Альберта.

Он стоял у одного из панорамных окон гостиной и смотрел на ночной лес. Ну конечно, никто кроме него не мог

вот так заявится сюда. Небрежно швырнув нож на кофейный столик, я увидел там пакетики. Пустые и наполовину истраченные, а ещё разные таблетки которые я скупил за последние дни чтобы избавиться от галлюцинаций. Рука невольно потянулась к ране, закрывая её, но наверняка он тоже не увидит ничего. Всё в голове встало на свои места. Воспоминания накрыли снежным комом. Накануне я избил врача и нёс ему всякую чушь. Скорее всего о моём поведении доложили Альберту. И я не мог даже послать его куда подальше.

Вариантов визита несколько. Один из них был самый не хороший – он узнал что я был у Катарины и ездил в Дахау. А это значит, что нам с ней конец. Я, конечно, могу долго молчать, но мой папаша может разговорить кого угодно, и меня в том числе.

— Что ты делаешь? — холодно спросил Альберт повернувшись ко мне лицом.

Не удивлён что он спросил именно так. Есть вариант, услышать не только то, что требуется.

— Ну вообще, собирался поесть, хочешь? — как можно дружелюбнее спросил я и сел на диван.

Я ощущал спиной как минимум двоих охранников. Охрана Альберта – это не просто тупые мужики ходящие за ним с каменным лицом. Нет, это профи, которые следуют за ним как тень, их не видит никто. А я ведь знаю зачем он нанял таких, он боится меня. Физически он уже давно уступает мне. Он вырастил чудовище и прекрасно это понимает. Но мы оба

знаем, что дело далеко не в физическом превосходстве, всё намного сложнее и запутаннее. Альберт специально сделал так, что мне без него обходится будет почти невозможно. А свернуть с той дорожки на которую он меня выкинул уже не возможно.

— Ты начал забываться, Викто'р. Возможно, почувствовал чрезмерную свободу.

Моё тело напряглось, я знаю, что значат эти слова. Из тени на меня попыталась налететь фигура, но кому как не мне знать этот дом и места где можно затаится, и повадки людей которых тренировали так же как меня. Я увернулся и молниеносно схватил нож. Второй охранник вышел на свет. Можно вступить с ними в драку, но я не буду этого делать. Я только ковер и паркет себе испачкаю, а старый всё равно накажет меня.

— Альберт, что тебе надо? — спросил я отшвырнув нож на пол, показывая, что драться не собираюсь.

— Вчера ты должен был появиться на Архипелаге.

Моё сердце на секунду замерло, а потом начало колотиться в два раза быстрее. Это скверно. Вроде не было никаких подобных поездок запланировано или я что-то упустил пока бегал и пытался избавиться от галлюцинаций. Пропустить встречу – это очень, очень плохо.

— Я полагал, что мы уже прошли твою стадию ребячества и ты полностью отдаешь отчёт своим действиям и осознаешь последствия.

Не успел я даже подумать над тем что ответить, как всё померкло у меня перед глазами и я незамедлительно погрузился в темноту.

* * *

Снова подвал. Только я не сплю и это не видения. Мои руки скованы и подняты над головой, я стою на коленях, а подо мной битое стекло. Давно я не висел тут в роли жертвы. Старый хер похоже сильно разозлился, хотя оно и понятно. Лучше не двигаться, а то потом устану выскребать осколки из колен.

Первые три удара металлическим прутом самые болезненные. Я знаю как он бьет, знаю, что как минимум он расплосует мне всю спину, как максимум сделает тоже самое с торсом, чтобы дольше заживало.

Шестой удар. Вся моя спина уже залита кровью. Ну что повеселился Виктор? С каждым ударом я отчётливо вспоминал как вёз рыжую домой и думал: скучно как-то всё стало... Зато сейчас, обалденно весело. Просрал встречу, потому что обдолбался и проспал чёрт знает сколько времени на полу в ванной.

Он бил молча, но и я не издавал ни звука. Только крепче сжимал челюсти. Закричу он будет бить ещё дольше и сильнее.

— *Почему он не останавливается!?* — вдруг возмущенно сказал голос Евы.

— *Свали, видишь не до тебя сейчас,* — мысленно ответил

я.

Как же было хорошо три недели назад, когда единственной моей проблемой был выбор цвета новой машины. Всего один грёбаный вечер, поменял всё. Но какой смысл сейчас об этом думать, лучше собраться и попытаться не сдохнуть в этом грязном подвале.

— *Ты же истечёшь кровью? Почему ты молчишь? Скажи ему что-нибудь. Вы что с ним не заодно? Зачем он тебя бьёт?*

— *Тебе вроде нравится смотреть как меня рвёт твоя армия трупов каждый раз когда я пытаюсь поспать. Так что заткнись и наслаждайся зрелищем.*

Рыжая нахмурилась и отвернулась, а потом и вовсе исчезла за дверью. Альберт в общей сложности ударил меня двенадцать раз, вся моя спина горела адским пламенем, но самое неприятное меня ждет потом, когда это всё надо будет зашить и ждать когда заживёт.

— А теперь скажи мне, что ты такое выкидываешь? — его рука схватила меня за волосы и оттянула голову назад. — Наркотики? Это не серьёзно Викто'р. Да и хочется послушать с чего вдруг?

Он небрежно отпустил мои волосы и повернулся спиной. Прут оставался у него в руках, а это может означать только то, что мы не закончили. Несколько секунд молчаливого ожидания и вот уже гибкий металл прошёлся поперёк моей груди, разрывая верхние слои кожи. Инстинктивно я попы-

тался сжаться, но идея была плохая, осколки под коленями вошли ещё глубже мне под кожу. Ослепительная вспышка боли, живот скрутило судорогой, желчь подступила к горлу, я тяжело сглотнул пытаюсь сдержаться. Думай, Виктор! Что сказать Альберту? Уже понятно, что он настроился истязать меня за пропущенную встречу. Ещё два хлёстких удара прилетели по моему животу, на этот раз куда сильнее чем был первый. Они вернули меня в реальность, боль застелила глаза, я не выдержал и издал сдавленный крик. Всё больше нет времени размышлять.

— Я подсел, — я поднял на него взгляд, — на кокаин.

На секунду воцарилось молчание, а потом на лице Альберта проскользнуло недоумение.

— Что? — удивлённо переспросил Альберт, буравя меня недовольным взглядом.

— Это... вышло... из-под... контроля — тяжело дыша пытался говорить я. — Я устал... и не хочу... больше... заниматься... этим... бизнесом.

Альберт достаточно долго молчал и просто оценивающе смотрел на меня. Понять о чём он думает было невозможно, он умел сохранять непроницаемую маску при любых обстоятельствах. Мне оставалось только молиться, что он не забудет меня досмерти. Эта частичная лож будет стоить мне очень дорого. Но ничего другого мне на ум сейчас не пришло. Говорить о галлюцинациях точно не стоит, пусть лучше думает, что я слабак и наркоман.

— Как долго ты сидишь на наркотиках? — резко нарушил тишину он.

По большому счету, я свою жизнь не ценил и часто думал о том, что могу легко прекратить её, но сделать это на своих условиях. Что бы не делал этот урод со мной, я всегда выживал и шёл дальше, просто назло ему. Этот раз не будет исключением.

— Чуть больше года, — очень тихо прошептал я и весь сжался понимая, что сейчас будет.

Мне прилетел сильный и яростный удар прутом, кажется будто он прорезал мне тело до самых кишок. А потом ещё и ещё и ещё. Мне кажется в промежутке я отключался от болевого шока, но новые удары заставляли меня очнуться. Через пульсирующий шум в ушах я услышал как заработала переносная газовая горелка. Он нагревал прут, значит я слишком сильно истекаю кровью, сейчас он будет прижигать самые глубокие раны. Надеюсь, я не зря это всё затеял, потому что быть высеченным металлическим прутом не самое плохое, что он может сделать со мной. История повторяется. Снова Катарина, снова я огребаю из-за неё. Только в этот раз может пострадать и она.

Не знаю сколько в общей сложности длилась эта экзекуция, но в конце я уже плохо понимал где нахожусь и что со мной делают. Слышал, как прут гулко упал на пол, как ослабли оковы, и я упал на осколки, а потом удаляющийся звук шагов Альберта. Мне бы сдвинуться и перелечь хотя бы на

пол без стекла, но... я уже потерял сознание.

Мёртвая Ева сидела рядом со мной прижав к себе ноги и сложила голову на колени. Толпа трупов уже скреблась за стенами и тихо стонала.

— Понравилось? Или ты любишь пожестче? — спросил я переворачиваясь на спину.

Странно, но в этом месте, лежать на спине было не больно, да и битого стекла подо мной не было. Видимо мой мозг окончательно вскипел раз отправляет меня снова в это место. Или просто это лучше того, что ждет меня после того как я очнусь. Как же это чертовски больно, я и забыл, что значит испытать гнев Альберта на себе.

— *Почему ты ему не рассказал ничего? — нарушила молчание Ева, видимо всё еще сидящая рядом со мной.*

— *Ты правда наркоман? Или ты соврал? А если соврал, то зачем? И зачем ты тогда убил меня, если ты не заодно с этим...человеком?*

Она всё не замолкала, заваливая меня вопросами. Глупыми и бесполезными. Но я просто молчал и ничего не отвечал, потому что если она замолчит, то наверняка придут мертвецы. А я совсем не уверен, что смогу пережить еще один раунд в их компании.

— *Я не понимаю, кем тебе приходится этот Альберт? Он всех своих подельников так избивает? Что за архипелаг на который ты не приехал?*

— Я устал и не хочу сейчас говорить.

Внезапно я услышал всхлипы прямо рядом с собой. Сначала не понял, что это такое и сделал усилие чтобы приподняться и опереться на локти. В этом месте мне по-прежнему было тяжело двигаться, почти как под водой.

— Ты чего рыдаешь? — удивлённо спросил я.

Она сидела всё так же, только теперь прятала лицо приложив лоб к коленям. Её всхлипы были такими живыми и настоящими, что это вызывало дискомфорт. Зачем она это делает? Зачем моя фантазия это делает?! Я наслушался её истерики в прошлый раз и пусть лучше обзывается и призывает трупов чем сидит и плачет.

— Эй! Хватит я сказал! — зло прикрикнул я, пытаюсь нормально сесть.

— *Зачем мой... папа связался с таким извергом...* — всхлипывая говорила она. — *А если с ним он делал тоже самое, что и с тобой сейчас...*

Лучше не говорить о том что с ним могло быть всё намного хуже. Потребуется минимум месяц чтобы было не больно двигаться и три, чтобы это всё затянулось оставляя алые уродливые рубцы. Он конечно меня и раньше так наказывал, но прутом он бил в крайнем случае, и я совру себе если скажу, что это терпимо. Ничего подобного. Мне так больно, что хочется умереть чтобы не чувствовать ничего. Страшно приходить в сознание, ведь здесь, пока мертвяки меня не трогают, даже хорошо.

— Ну всё хватит стонать. Альберт возможно не убивал

твоего отца. Так что не ной, он похоже умер раньше чем его заграбастал мой отец в свои лапы.

— *Твой отец?! Это что, твой отец?! — с неподдельным изумлением воскликнула она.*

И отчего же эта галлюцинация задает мне все эти дурацкие вопросы? Сейчас у меня не было сил хоть как-то интерпретировать их.

— Да, мой отец. Альберт. Тот, что был помечен плюсиком в твоём ежедневнике, — не сдержав усмешки сказал я.

— *Ничего не понимаю. — А потом до неё, кажется дошло. — Так вот откуда у тебя столько шрамов, он что постоянно тебя так бьет?! Почему?*

— Хватит мертвячка. Ты же в моей голове, сама должна это знать. Сейчас я не готов углубляться в наши с ним отношения.

На какое-то время наступила долгожданная тишина и покой. Только мертвецы скреблись где-то там вдали, на задворках сознания, но этот монотонный шелест и шуршание умиротворяли. Главное, что тут мне не больно.

— *Хватит называть меня мертвячкой! Или ты даже не помнишь моего имени?! Для тебя видимо это пустяки — убивать! Вы, два больных на голову садиста! — резко и с обидой в голосе сказала она. — Меня зовут Ева! Ясно?!*

— Нет. Девушка по имени Ева мертва, а ты, — я посмотрел на неё и медленно протянул руку к её волосам. — лишь плод моего больного воображения. Доказательство того, что

я не всё никак не смирюсь с тем кем являюсь.

— *Нет!* — она вскочила на ноги откидывая мою руку. — *Я не твоя галлюцинация, придурок! Я – Ева, а никакой не плод твоего воображения!*

Мертвецы сильнее скреблись в стены, местами начала отваливаться гнилая доска.

— *Уходи!* — сказала она сверля меня гневным взглядом.

Я ничего не ответил и лёг на спину. Не знаю что хуже, агония среди мертвецов рвущих меня на части в моём подсознании или реальная физическая боль от того что я лежу на стекле с вывернутым наружу мясом.

— *Ты что тупой? Я сказала уходи отсюда!* — прикрикнула она.

— Мертвячка, отвали, а? Ты же вроде хотела моих страданий, вот наслаждайся. — с пренебрежением сказал я.

— *Я не садистка, как ты! Проснись! Немедленно!* — приказным тоном сказала она.

Через секунду я ощутил всю обжигающую боль рассеченного тела. Оно горело огнём, но самого меня пробирал холод. Чьи-то руки грубо подняли меня с пола и от ослепляющей вспышки боли меня чуть не вывернуло наизнанку. Они тащили меня к выходу. Чистый морозный воздух проник в лёгкие и стало немного легче. Меня грубо толкнули в спину, так, что я упал на колени перед Альбертом.

— Узнаю что ты продолжаешь, будет намного хуже. Считай, что тебе повезло, потому что сейчас ты мне нужен. При-

веди себя в порядок, только попробуй пропустить еще одно собрание на Архипелаге, — холодно сказал Альберт.

Больше он ничего не сказал и ушёл, оставив меня одного посреди леса. Недолго я сидел так, потому что кровопотеря и боль заставили упасть на траву без сил. Мне казалось, что я снова окажусь в чертогах моего разума вместе с мёртвой Евой, но ничего подобного не произошло, меня просто поглотила холодная тьма и безмолвная пустота.

Глава 6

Москва. Россия.

Виктор.

Яркие солнечные лучи ослепляли даже через закрытые веки. Я специально проектировал дом так, чтобы солнце освещало спальню с утра до вечера. Это помогало на время забыть о моей жизни.

Очень осторожно я потянулся, и с живота скатился планшет и стилус, упавший со стуком на пол. Я попытался всё это поймать, о чём сильно пожалел. Боль отозвалась во всем теле, швы натянулись и местами закровоточили. Невольно я издал тихий стон и откинул голову на подушку. После того что произошло в доме лесника, я пришел в себя только спустя двое суток перебинтованный и чистый. Кто-то из моей охраны притащил меня в дом и вызвал врача. На пятые сутки уже смог самостоятельно дойти до ванной. Целое достижение, потому что ходить под себя в судно – ужасно.

Один медленный вдох, а потом выдох, я открыл глаза и начал не спеша вставать с кровати. Мне надо больше двигаться и быстрее приходить в норму. У меня нет месяца на восстановление, спасибо на том что хоть эти пять дней никто меня не трогал, не считая вопросов по бюро. Один из телефонов на прикроватной тумбочке звонил не переставая. Всего у меня их было три. Личный, рабочий и третий специ-

ально под объект на Архипелаге. Сейчас звонил личный, я облегчённо выдохнул.

— Слушаю, — коротко ответил я.

— Привет. Ты сможешь завтра к десяти утра приехать в офис? Я знаю, что болеешь, но тут приехала делегация из Австрии. Требуется твоё присутствие. Если тебе совсем паршиво, у меня это... есть чем подлечился, — мой заместитель Марк, замялся.

Марк — продажная душонка. Что не день, то он обнюханный, при этом работу он свою делал на отлично. Мне не было дело до его пристрастий. Главное чтобы делал то зачем его наняли. Предлагает он мне “подлечится”, потому что я имел неосторожность как-то раз составить ему компанию в одном из московских клубов. В целом для всех играю роль избалованного дурачка тратящего родительские деньги, так что удивляться его предложению не стоит.

— Я приеду к девяти утра, пусть подготовят переговоры. Сегодня жду от вас с Ивонной подробных отчётов по всем текущим объектам, в том числе по особым, отдельной таблицей, — спокойно без лишних эмоций сказал я.

— Понял, через пару часов всё будет у тебя на почте.

Медленно шагая по своей спальне, оглядел смятую большую кровать по центру стены. Она стояла напротив панорамного окна с видом на лес, левее стеллаж с книгами и небольшая софа рядом. Под потолком висела система с выдвижным экраном и проектором. Больше ничего в моей ком-

нате не было, даже не несмотря на то, что она была достаточно большой и просторной. Когда я нервничал то имел привычку ходить из стороны в сторону, так думалось лучше. Вот и сейчас я хромал вдоль окна туда и обратно, попутно снимая бинты с живота. Держу пари Альберт не знает ни про рыжую, ни про Катарину. Интересно, за что он убил журналиста? Не из-за компромата на Кёллерманов, это точно. Скорее из-за того, что тот начал копать конкретно под Альберта. У него же откуда-то взялся список наших клиентов. Чёрт! Кажется эта история принимает какой-то новый оборот. Есть ещё кто-то третий в списке информаторов у этого Литковски. И этот кто-то знает о нашем бизнесе. Не просто знает, а располагает информацией о заказчиках. А из этого следует, что этот кто-то играл и с Альбертом, и с Литковски. И Катарина сама того не зная оказалась втянута в это всё. Вопрос в том, кто заставляет её это делать? Я знаю Катарину. Добровольно она бы не пошла на такой шаг, слишком рискованно. Катарина которую я знал была трусихой. К тому же, чтобы играть в грязные игры с плохими людьми надо отбросить принципы, мораль и сочувствие. Не уверен, что даже спустя столько лет она смогла бы поступиться всем вышеперечисленным.

— Итак. Начнём с журналиста – Литковски. Каким-то образом он спутался с Альбертом. Они вместе провернули дело, посадили “плохого” парня. Литковски получил популярность как журналист, полиция – “злодея”, а Альберт убрал не

нужного человека. Все остались в выигрыше. Что случилось потом? Как Литковски получил список заказчиков и что собирался с ним делать? — задумчиво спросил я, выводя пальцем знак вопроса на стекле.

— Мертвячка, что притихла? Или думать это не по твоей части?

Я развернулся к кровати лицом. Она сидела на ней подогнув ноги к себе и пристально наблюдала за мной. Иногда мне казалось, что так она пытается скрыть свою наготу, это было странное поведение, но разбираться почему, я не стал. Она больше не водит ко мне мертвецов, и я отчасти нормально сплю. Мой мозг видимо сжалился и из всех галлюцинаций оставил только рыжую. Запах, кстати, никуда не делся, но табак его неплохо перебивал. Прикурив сигарету, я шумно выдохнул и посмотрел на маленький знак вопроса на окне, нарисованный моей кровью. Грудь и живот пересекали новые уродливые шрамы. Здорово старик разозлился из-за наркотиков, а может всё таки есть что-то ещё? Может знает про мой визит к Катарине? Я ведь ей голову разбил, но вроде на ногах она стояла, даже пыталась в ответ ударить. Предположу, что всё обошлось, и сейчас с ней всё нормально.

Нахмурившись я посмотрел на Еву. Она уже не смотрела на меня, её взгляд был устремлен куда-то далеко в сторону леса.

— Да пожалуйста! — бросил я махнув рукой и повернулся снова к окну. — Так даже лучше когда ты молчишь. Трупам

не положено говорить.

Мазнув пальцем по кровоточащему шву на животе, я нарисовал на окне трёх маленьких человечков. Литковски, Альберт и Катарина. Журналист имел связь и с Альбертом, и с Катариной. И получается они друг о друге не знали. А потом он резко исчез. Полагаю надо начать с него.

На стекле я нарисовал ещё одного человечка и поставил над его головой знак вопроса. Точно есть кто-то ещё. Список в ежедневнике Литковски слишком длинный, это точно не Альберт разбазаривал информацию. За моей спиной раздался всхлип, заставив меня обернуться резче чем я хотел. Боль прошибла тело так словно мне ударили под дых.

Сдавленно охнув я кинул злобный взгляд на Еву, которая почему-то опять решила поплакать.

— Ну что опять?! Чего ты рыдаешь?

— *Меня зовут Ева! А не мертвячка... И... Я... я кажется не умерла. Хватит так обращаться со мной! Сколько ещё повторять, что я не твоя галлюцинация! Придурок! — вытерев слёзы со щёк, злобно сказала она.*

Моя шица кажется разошлась не на шутку. В противном случае просто не знаю как всё это объяснить.

— *Ключ который ты нашёл, он от сейфа! В Петербурге! Я знаю где он. Ясно?*

— Да ладно. И где же? — сощурившись и слегка наклонившись к ней, спросил я.

Ева молча сверлила меня взглядом из её глаз скатилось

пару слезинок. Она выглядела так реалистично, будто настоящая. Но если посмотреть на простынь и смятое одеяло, то становится понятно, что никого на кровати нет.

— Нихрена ты не знаешь, мертвячка. Как и я, — с досадой в голосе сказал я и медленно выпрямился поворачиваясь к ней спиной.

— *Я – не мертвячка!* — *раздался яростный голос.*

Мою голову мгновенно сдавила невыносимая боль. Я упал на колени и схватился за неё пытаясь хоть как-то уменьшить это распирающее давление в черепе. Естественно это не поможет, глаза я открывать не хотел, потому что знал, что увижу полуразвалившуюся и гнилую хибару. Мертвецы уже издавали свои крики и стоны, царапая ногтями по стенам. Нет! Нет! Нет! Только не сейчас!

— Стой! Хорошо! Хорошо. Не мертвячка. Ева. Буду называть тебя Евой. Только убери их отсюда. Ты же хочешь чтобы я нашёл того кто убил твоего отца? — я заставил себя убрать руки от головы и поднять взгляд на Еву. — Я найду, но мне надо чтобы ты перестала сводить меня с ума кучкой мертвяков, мне надо нормально спать.

Её кулаки были сжаты, а взгляд пылал огненным светом.

— *Ты омерзительный и не заслуживаешь её сострадания,*
— *гремел голос прямо в моей голове, принося новую порцию распирающей боли.*

Кажется я понял, что есть разница между этой – злой, что существует в подвале, и той, что таскается за мной пока я

бодрствую. Мертвецы, начали окружать нас и тянуть ко мне руки.

— Да, омерзительный. Да, не заслуживаю. Но мы можем договорится, *Ева*. — максимально дружелюбно и мягко сказал я, сделав акцент на имени.

Выражение её лица немного смягчилось, а глаза потухли. Злая сука ушла, уступив место плаксивой девчонке. Это хорошо, может я смогу избежать сегодня своей участи, и не оставаться с мертвяками один на один.

— Ева, — я улыбнулся ей, своей невинной отточенной годами улыбкой. — Буду признателен если ты избавишь меня от своей армии мертвецов и вернёшь обратно. У меня скорее всего разошлись швы и я истекаю кровью. Я буду бесполезен если умру. Ты ведь не хочешь этого?

Никогда не думал, что буду расшаркиваться перед собственной галлюцинацией. Но другого выхода у меня нет. Пока в моей голове правит балом эта дамочка, придётся подстраиваться под неё и выглядеть естественно. Иначе просто шрамами в исполнении Альберта, я не обойдусь. И армия мертвяков мне покажется кучкой аниматоров на детском празднике.

Она ничего не ответила, а я не заметил как снова оказался в своей светлой и чистой комнате. От радости я чуть не разрыдался, так хотелось распластаться на чистом, тёплом полу из дубового паркета и расцеловать его. Но я быстро взял себя в руки и встал с пола. Кровь полностью пропитала мои

хлопковые штаны. Естественно половина швов разошлись. Быстро оценив ситуацию в зеркале, я понял что без помощи не обойтись.

Собрав быстро все телефоны в кучу, я отправился в ванную за аптечкой, а потом зашагал к лестнице на первый этаж. Сложив два пальца, я протяжно свистнул. На кухне что-то со стуком упало, наверное это домработница готовила и я её испугал.

— Простите! — крикнул я. — Оставайтесь на кухне.

Не хватало мне обморочных особ, заливающихся криком при виде крови.

— Вовчик! — заорал я и ещё раз свистнул. — Где ты?

Охранника которого я так усердно звал нигде не было. Пришлось звонить ему и ждать как дурак стоя в ванной на первом этаже. Он резко ворвался в ванную держа в руке пистолет.

— Вовчик, убирай волыну и бери перчатки, будем учиться шить, — улыбнулся я ему махая парой перчаток.

Он оглядел меня и убрал пистолет. Вовчик – немой безграмотный великан. Идеальный кандидат в охрану этого места. Ему можно много чего доверить и он останется молчаливым. Хотя безграмотным его сложно назвать, за последний год он научился писать длинные сообщения без грамматических ошибок. Из всех прочих, этот охранник мне нравился, он был не таким отбитым психопатом, как остальные.

— Умеешь шить? — спросил я.

Он отрицательно качнул головой, но начал мыть руки, а потом натянул перчатки.

— Нуу, не страшно, сейчас я покажу на животе, а потом ты так же повторишь на спине.

Я взял шприц и быстро вколол себе препарат, который притормозит кровопотерю. Я кинул взгляд на громилу и мне показалось, что он наблюдал с чрезмерным интересом за тем как хирургическая игла протыкает кожу и стягивает её. Я знаю некоторые статьи по которым он сидел, неженкой его точно назвать было нельзя.

Через полчаса мы управились со всеми швами. Шил для первого раза он отлично, возможно это не первый его опыт. От его взгляда мне стало некомфортно и захотелось поскорее убраться из ванны которая стала тесной. Это ещё что за дерьмо, Виктор?! Не хватало собственных собак бояться. Одернув себя, я выпрямился и холодно посмотрел на великана.

— Свободен. — сказал я резко, и не спуская глаз дождался пока он выйдет и закроет за собой дверь.

Тяжело выдохнув я включил воду, отмывая руки от крови и испарину со лба. Что такое? Испугался тупого уголовника? Или стресс в совокупности с большой кровопотерей стали тому виной. Нет, нет, нет, так не пойдёт. Надо быстрее соби-
рать себя. Альберт хоть и большую часть времени живёт в другой стране, но здесь он тоже может появиться внезапно.

— Тебе страшно? — спросил тихий голос Евы. К моему

удивлению в нём не было насмешки или издёвки.

— Нет. С чего бы? — вытирая лицо полотенцем ответил я.

— А мне кажется ты испугался того здорового мужика,
— в её голосе появился задор.

— Тебе показалось, — недовольно сказал я и поплёлся на кухню. Надо поесть и желательно чего-то сладкого.

— Да ладно тебе, он вон какой огромный, у него ручища с твою голову. А он ещё так глазел на тебя кровожадно. Бррр. Мерзкий тип. Кто он кстати? — непринужденно спросила Ева идущая позади меня.

— Охранник, — не в силах сопротивляться новому бессмысленному потоку вопросов ответил я.

— Ты боишься своего охранника? Зачем ты его нанял? Или этот громила присматривает за тобой по указке того психопата которого ты отцом называешь?

Я сжал челюсти и со всего размаху захлопнул дверь холодильника.

— Что ты пристала? Херово мне, не видишь что ли?!

Телефон громко зазвонил, нарушая тишину дома, звонок и вибрация, разносились эхом по всему первому этажу. Я еле дождался пока Марк отчитается о проделанной работе, после чего с удовольствием зашвырнул телефон куда подальше. После плотного ужина, на меня навалилась усталость и сонливость. Я подзабыл, что значит испытывать терпение старика. И да, мне страшно, только вот боюсь я не тупоголового охранника и даже не Альберта. Я боюсь за Катарину. Нако-

нец я признался себе в этом. Она влезла в это дерьмо, ещё и журналиста с его приставучей дочерью втянула.

Усевшись поудобнее на кровати я положил ноутбук себе на ноги и постарался сосредоточиться на отчётах которые мне скинули Марк и Ивонна. Строчки с цифрами расплывались, взгляд отказывался фокусироваться на таблицах. Двойная доза обезболивающего начала действовать быстрее чем предполагалось.

— *Я знаю где находится сейф, — тихий шёпот Евы заставил меня взбодрится и перевести внимание на неё.*

Она сидела на краю кровати спиной ко мне. В полумраке комнаты не было видно её неестественного цвета кожи и следов от верёвки, не считая тонкой полоски на талии. Я знал сотни способов как привязать человека к чему-либо намертво. Острая верёвка проходила по всему телу. Зачем я так сделал? Достаточно было просто стяжками её привязать к стулу, она бы не выбралась. Раздел её еще, потому что знаю что люди без одежды себя чувствуют уязвимее, но она не убийца и не агент какого-либо ведомства. На кой черт я это всё сделал? Просто на автомате получилось? Глупо всё вышло. Хотя, чего я мог ждать от самого себя? В моём мире не существует ничего нормального и адекватного. Лишь мама и Катарина, но их уже давно нет рядом со мной. Нет больше ничего, что могло бы стать светлым ориентиром или лучом адекватности. Давно уже я брожу в этом беспросветном мраке из которого выход только один – встреча с бесконечным

ничто.

— Ева, зачем ты приехала сюда? Альберт с семейкой Кёл-лерманов в очень близких отношениях, узнай он про твою папку с компроматом на них, превратил бы тебя в один из таких же обезображенных трупов которых ты приводишь ко мне.

Она сидела без движения и смотрела в окно ничего не говоря. Возможно я даже не ждал никакого ответа от неё. Может и сказал это вслух только для того, чтобы хоть как то оправдать свои действия. Оправдать? Само слово звучит комично по отношению ко мне. А может я уже попал в ад? Или возможно так выглядит метафорическое чистилище? Тот гнилой подвал в доме лесника – это моя чёрная душа, наполненная горой трупов.

— *Мне было интересно над чем работал отец. Я хотела найти его..* — *поникишим голосом сказала она.* — *Я не зна-ла, что... вот так... встречу свою смерть. Или не совсем смерть...*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.